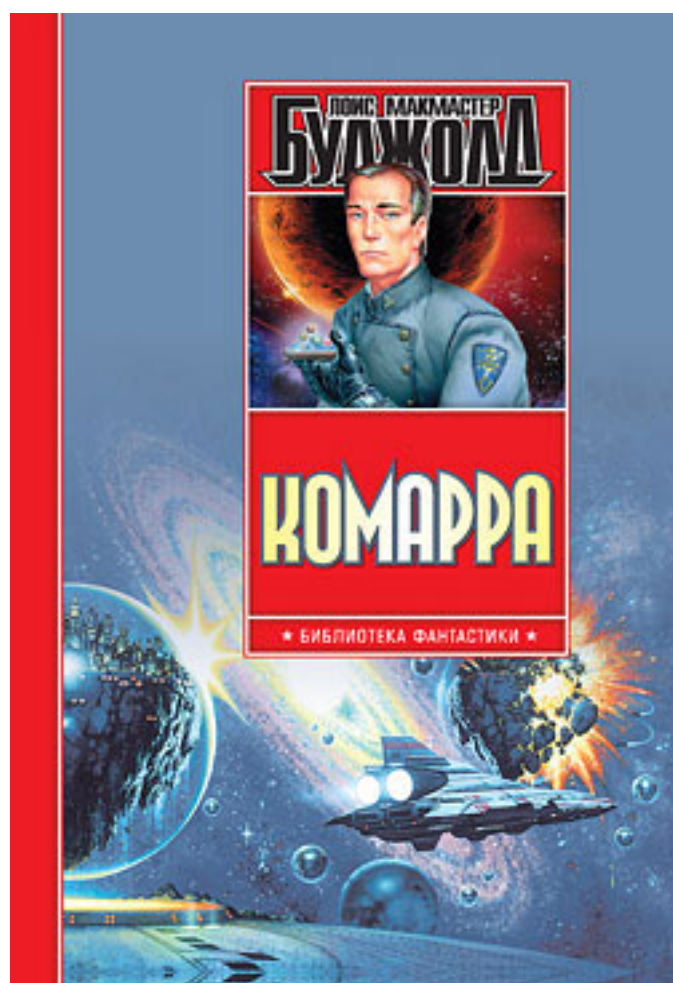

Лоис Макмастер Буджолд
Комарра
Серия «Вселенная Майлза Форкосигана», книга 12

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129027
Комарра: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2006
ISBN 5-17-029742-4, 5-9713-2239-7, 5-9762-2165-3*

Аннотация

Майлз Форкосиган, ныне – Имераторский Аудитор, послан на планету Комарра, на орбите которой при весьма загадочных обстоятельствах взорвался солнечный отражатель, дающий свет этому сумрачному миру. Рутинное расследование? Или смертельно опасная борьба с группой жестоких заговорщиков? Возможно, от отваги и хладнокровия лорда Аудитора зависит судьба не только Комарры, но и всей Барраярской империи...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Глава 1

Последние серебристые лучи комаррского солнца исчезли за небольшими холмами на западе, и яркий свет, отбрасываемый висящим в небе солнечным отражателем, казался еще ярче на фоне пурпурно-синего неба. Когда Катриона впервые увидела на Комарре искусственное солнце, ей показалось, что в небе распустился огромный, сотканный из звезд фейерверк, какой обычно бывает на Зимнепраздник, успокаивающий и красивый. И вот теперь, облокотившись о перила балкона, выходящего на центральный городской парк, она сосредоточенно изучала преломленные лучи, бьющие сквозь прозрачный купол. Слишком яркие на фоне темного неба. Три из шести дисков отражателя не работали вовсе, а седьмой, центральный, сделался тусклым и матовым.

В свое время ей довелось прочесть, что древние земляне, наблюдая кометы, взрывы сверхновых, падающие звезды, считали это знамениями, предвещавшими различные катастрофы. Само слово «катастрофа» уже содержит в себе астрологическую суть. И произошедшее две недели назад столкновение грузового каботажного корабля с солнечным отражателем уж точно было катастрофой в самом буквальном смысле слова. Оно принесло мгновенную смерть полудюжине комаррцев из обслуживающего персонала станции. Но на большинство жителей Комарры, укрытых в своих куполах, это событие практически не повлияло. Внизу, в парке, команда рабочих налаживала дополнительное освещение. На пищевых фермах уже приняли меры, чтобы уберечь зеленые насаждения и оборудование. Здесь, на Комарре, любая зелень под куполами служила не просто украшением. Каждое растение вносило свою лепту в биологический резервуар, необходимый для поддержания жизни. Сады под куполами должны жить, несмотря ни на что, и их симбионты, люди, тщательно о них заботятся.

Но за пределами куполов, там, где хрупкие растения трудятся для терраформирования планеты, все обстоит иначе. Катрионе были известны данные о потерях, столь жарко обсуждавшиеся вот уже две недели за ее обеденным столом. Особенно силен был урон, нанесенный растениям на экваторе. Зимний холод сковал всю планету. Сколько времени пройдет, пока здесь все починят? И когда, собственно говоря, начнут чинить? Для диверсии – если это, конечно, диверсия – такие последствия кажутся бессмысленными. А если это неудавшаяся диверсия, тогда все непонятно вдвойне. Попытаются ли они снова – если эти «они» вообще существуют? Если это вообще злой умысел, а не глупейший несчастный случай.

Вздыхнув, Катриона отвернулась и включила дополнительное освещение своего крошечного садика на балконе. Кое-какие баррарские растения были особенно чувствительны к недостатку солнечных лучей. Проверив уровень освещенности, она придвинула две лианы ближе к источнику света и установила таймер. Определив опытными пальцами температуру и влажность почвы, Катриона кое-где подлила воды. Она ненадолго задумалась, не внести ли в помещение старый бонсаи, но в результате отказалась от этой мысли. В конце концов, здесь, на Комарре, даже на балконе все равно что в помещении. Уже почти год, как Катриона не чувствовала на своих волосах дуновения ветра. Внезапно она ощутила родство с высаженными за пределами купола растениями, которые медленно гибнут без света и тепла, задыхаясь в ядовитой атмосфере... *Дура! Прекрати немедленно! Нам повезло, что мы здесь.*

- Катриона! – раздался из глубины квартиры требовательный рев мужа.
- Я на балконе, – ответила она, всунув голову на кухню.
- Ну так иди сюда!

Уложив садовые принадлежности в ящик, Катриона плотно прикрыла за собой дверь на балкон и поспешила на зов. Она пересекла комнату и быстро спустилась по винтовой лестнице. Тьен, с коммом на запястье, нетерпеливо поджидал ее возле входной двери.

– Только что звонил твой дядя. Он приземлился в пассажирском порту. Я еду за ним.

– Я заберу Николаса и поеду с тобой.

– Не стоит. Я встречу его у выхода на Западной станции. Он велел передать тебе, что с ним гость. Еще один Аудитор, похоже, что-то вроде помощника. Но просил не суетиться, сказал, что они оба непритязательны. Кажется, он вообразил, что мы собираемся кормить их на кухне. Ха! Целых два Имперских Аудитора! И вообще, зачем тебе понадобилось его приглашать?

Она изумленно уставилась на мужа.

– Как может дядя Фортиц побывать на Комарре и не заглянуть к нам? И потом, разве его расследование не касается твоего департамента? Конечно, он хочет нас видеть. Я думала, он тебе нравится.

– Нравился, когда был старым добрым профессором, – похлопывая себя по бедру, ответил Тьен. – Эксцентричный дядя Фортиц, фор-технар. Назначение его Имперским Аудитором застало всю семью врасплох. Не представляю, на какие рычаги он нажал, чтобы добиться такой должности!

А ты считаешь, что люди делают карьеру только таким способом? Но вслух она этого не сказала.

– Из всех политических постов наименее вероятно получить таким образом должность Имперского Аудитора, – пробормотала Катриона.

– Наивная Кэт. – Тьен коротко улыбнулся и обнял ее за плечи. – В Форбарр-Султане никто ничего не получает просто так. За исключением, пожалуй, помощника твоего дяди, который, как я слышал, близкий родственник самого Форкосигана. Он, судя по всему, получил свой пост на халяву. Невероятно молод для такой должности, если это именно тот, кто приносил присягу во время Зимнепраздника. Легковесный тип, надо полагать, хотя все, что сказал о нем твой дядя Фортиц, это что он весьма болезненно воспринимает свой рост и не стоит заострять на этом внимание.

Тьен сунул комм в карман куртки. Его рука слегка тряслась. Катриона схватила его за запястье и повернула ладонь вверх. Дрожь усилилась. Она с тревогой посмотрела на мужа.

– Нет, черт подери! – Он вырвал руку. – Ничего не происходит! Я просто немного нервничаю. И устал. И к тому же голоден, так что позаботься приготовить что-нибудь путное к нашему приезду. У твоего дяди вкусы, возможно, и непритязательные, но я сильно сомневаюсь, что их разделяет выросший в Форбарр-Султане лорд.

Сунув руки в карманы, Тьен отвернулся, чтобы не видеть несчастное выражение ее лица.

– Ты сейчас старше, чем был тогда твой брат.

– А про вариабельность ты помнишь? Мы скоро поедem. Обещаю.

– Тьен... Я хочу, чтобы ты бросил этот план насчет галактического лечения. Здесь, на Комарре, медицина ничуть не хуже, чем на Колонии Бета или где-нибудь еще. Когда ты получил назначение сюда, я думала, ты приступишь к лечению. Забудь о секретности, попроси о помощи открыто. Или лечись анонимно, если тебе так хочется. Но только не надо больше тянуть!

– Они здесь не умеют держать язык за зубами. Наконец-то я начал делать карьеру, и мне сейчас абсолютно ни к чему слухи о мутации.

Если мне все равно, мутант ты или нет, то какое тебе дело до мнения других?

Поколебавшись, она все же продолжила:

– Ты поэтому не хочешь видеть дядю Фортица? Тьен, поверь, из всех моих родственников – да и твоих, если на то пошло, – его меньше всего будет волновать, генетическое твое заболевание или нет. Он позаботится о тебе и о Никки.

– Я все держу под контролем, – настойчиво возразил он. – И не вздумай выдать меня дяде, когда я уже так близок к цели. Все под контролем. Вот увидишь.

– Просто не... следуй примеру твоего брата. Обещай мне!

– То, что случилось с флайером, не было несчастным случаем. Это был итог многолетнего кошмарного ожидания и наблюдения за симптомами...

– Я вовсе не намерен творить ничего подобного. Все идет по плану. Когда истечет срок моего комаррского контракта, мы все втроем – ты, я и Николас – отправимся в длительный отпуск, будем путешествовать по галактике. За это время мы все приведем в норму, и никто ничего не узнает. Если, конечно, ты не потеряешь голову и не устроишь панику в самый ответственный момент! – Схватив ее за руку, он вымученно улыбнулся и выскочил за дверь.

«Подожди, и я все приведу в норму. Верь мне». Последнее время ты мне это постоянно твердишь. И до этого твердил, и еще раньше... Так кто кого предает? Тьен, у тебя уже выходит время, разве ты не видишь?»

Катриона побрела на кухню, соображая, что подать на ужин, дабы удовлетворить столичного фор-лорда. Белое вино? Ее небогатый опыт общения с аристократами подсказывал, что если их как следует «накачать», то совершенно не имеет значения, чем их кормить. Она положила одну бутылку из драгоценных, привезенных из дому запасов в морозильник. Нет, пожалуй, стоит добавить еще пару.

Катриона поставила еще один стул к стоящему на балконе столу, где они обычно ужинали. Жаль, что она не наняла ради такого случая на вечер слугу. Но слуги-люди обходятся на Комарре так дорого! К тому же ей хотелось спокойно, по-домашнему поболтать с дядей Фортицем. Все официальные средства информации только и толкуют о том, что произошло, и прибытие на орбиту Комарры не одного, а аж целых двух Имперских Аудиторов несколько не уменьшило количество слухов. Во время недолгого разговора Катрионы с только что прибывшим на орбиту дядей (временная задержка, вызванная расстоянием, не способствовала длительной беседе) обычно спокойный и меланхоличный дядя Фортиц достаточно раздраженно отзывался о поднятой вокруг него шумихе. И намекнул, что с удовольствием скрылся бы от назойливого внимания. Поскольку за долгие годы преподавательской деятельности дядя, несомненно, привык к глупым вопросам, Катриона сильно подозревала, что на самом деле его раздражение вызвано тем, что сейчас он просто не знает, как отвечать.

Но больше всего, признавалась она себе, ей хочется снова окунуться в атмосферу счастливого прошлого. После смерти матери она два года жила с тетей и дядей Фортицами, под их ненавязчивым присмотром посещая Имперский университет. Жизнь с профессором и его женой была более спокойной и не такой регламентированной, как в доме ее отца в пограничном городке Южного континента, где царила консервативная форская атмосфера. Возможно, так было потому, что тетя с дядей относились к ней как к взрослой, а не как к ребенку, каковым она на самом деле тогда являлась. И ей это очень льстило. Катриона с легким чувством вины признавала, что дядя с тетей были ей ближе, чем родители. В то время, очень недолго, ей казалось, что перед ней открыты все пути.

А потом она выбрала Этьена Форсуассона, или он – ее. *Тогда ты была этим вполне довольна.* Она сказала «да» на предложение свахи, причем совершенно добровольно. *Но ты же не знала.* И Тьен не знал. Дистрофия Форзонна. Никто в этом не виноват.

В кухню ворвался девятилетний Николас.

– Мам, я есть хочу! Можно мне кусочек пирога?

Она перехватила торопливую ручонку.

– Ты можешь пока что выпить стаканчик сока.

– У-у! – протянул сын, но согласился на предложенную замену, выданную ему в высоком бокале для вина. Он мигом проглотил сок, ни на секунду не переставая болтать. *Просто перевозбужден или унаследовал нервную систему отца? Прекрати выдвигать предположения!* – приказала она себе. *Мальчик целых два часа сидел у себя в комнате, занимаясь своими моделями. Ему надо выпустить накопившуюся энергию.*

– Ты помнишь дядю Фортица? – спросила Катриона. – Три года назад мы были у него в гостях.

– Ага! – Сын прикончил сок. – Он водил меня в свою лабораторию. Я думал, там будут всякие колбы и булькающие жидкости, а там оказались только огромные машины и бетон. И пахло так смешно.

– Да, правильно, пахло озоном, – кивнула она, обрадованная, что сынишка так хорошо все помнит. Кэт забрала у сына бокал. – Давай руки. Я хочу посмотреть, насколько большим ты вырастешь. Из щенков с большими лапами, как правило, вырастают крупные собаки. – Никки протянул ладошки, и она приложила к ним свои. Его пальчики были на пару сантиметров короче ее. – Ух ты!

Никки сверкнул самодовольной улыбкой и быстро глянул себе на ноги. Большой палец торжественно высовывался из свежей дырки в новом носке.

Его детские светлые волосы уже начали темнеть. Должно быть, в конце концов они станут такими же темно-каштановыми, как у нее. Ростом ей по грудь, хотя Кэт готова была поклясться, что еще пятнадцать минут назад он был ей по пояс. А глаза карие, как у его па. Чумакая ладошка – и где он ухитряется под куполом найти столько грязи? – совсем не дрожала, а глаза оставались чистыми и ясными. *Не трясутся.*

Ранние проявления дистрофии Форзонна были схожи по симптомам с доброй дюжиной других заболеваний и могли проявиться в любой момент, начиная с подросткового возраста. Но не сегодня, не у Николаса.

Пока нет.

От входной двери донеслись мужские голоса. Никки помчался вниз. Когда Кэт подошла следом за ним, он уже висел на плотном седовласом мужчине, который, казалось, заполнил собой все помещение.

– Уф! – выдохнул дядя Фортиц, обхватив повисшего на нем Николаса. – Как ты вырос, Никки!

Несмотря на свой громкий новый титул, дядя Фортиц совсем не изменился: тот же внушительный нос и большие уши, привычная мятая, висящая мешком одежда, вечно выглядывавшая так, будто он в ней спал. Тот же басистый смех. Поставив внучатого племянника на пол, он крепко обнял племянницу, ответившую ему тем же, и наклонился к своему чемодану.

– Кажется, Никки, для тебя здесь что-то есть...

Николас нетерпеливо выплясывал вокруг деда, а Кэт отошла в сторонку, дожидаясь своего часа.

Нагруженный багажом Тьен протиснулся в дверь. И только тогда Кэт заметила стоящего в стороне мужчину, с отстраненной улыбкой наблюдавшего за семейной сценкой.

Она с трудом удержала изумленный возглас. Мужчина оказался ростом с девятилетнего Никки, может, чуть выше, но за ребенка его принять было никак нельзя. Большая голова на короткой шее, слегка сгорбленная спина. Худощавый, но крепкий. В сером костюме, белой рубашке и начищенных до блеска сапогах. Одежда лишена любых украшений, так любимых высшими форами, но сидит великолепно – должно быть, сшита по индивидуальному заказу, фигура у него, мягко говоря, нестандартная. Катриона даже не осмелилась прикинуть, сколько может стоять такой костюм.

Определить возраст мужчины было трудновато. Возможно, чуть старше нее? Седины в темных волосах нет, но морщинки у глаз и вокруг рта резко выделяются на бледной коже.

Повернувшись полюбоваться, как Никки атаковал деда, он несколько неловко опустил на пол свой чемодан, но калекой не выглядел. Неприметным назвать его было нельзя, но, во всяком случае, он явно старался быть ненавязчивым. Неловко себя чувствует в обществе? Катриона внезапно вспомнила свои обязанности дочери фора и подошла к гостю.

– Добро пожаловать в мой дом... – *Ой, Тьен ведь не назвал его имени!* – милорд Аудитор!

Протянув руку, он вежливо сжал ей ладонь.

– Майлз Форкосиган. – Рука у него оказалась сухой и теплой, меньше, чем ее, но рукопожатие мужественное. Ногти – чистые и аккуратные. – А вы, сударыня?..

– Ой! Катриона Форсуассон...

Он выпустил ее руку, не поцеловав – к ее величайшему облегчению. Кэт быстроглянула на его макушку, находящуюся на уровне ее ключиц, сообразила, что его лицо находится прямо напротив ее бюста, и чуть отошла. Он посмотрел на нее, едва заметно улыбнувшись.

Никки, гордо демонстрируя свою силу, уже волок самый большой чемодан дяди Фортица в гостевую комнату. Тьен вежливо проследовал за своим старшим гостем. Катриона быстро произвела перерасчет. Совершенно очевидно, что она не может устроить этого Форкосигана в комнате Никки. Детская кроватка ему, безусловно, подойдет идеально, но это так неловко! Уложить Имперского Аудитора на кушетке в гостиной? Вряд ли можно назвать эту мысль блестящей. Жестом она предложила гостю проследовать за ней в ее кабинет-оранжерею. Возле одной стены стояла рабочая скамья и полки со всякой всячиной, нежные зеленые земные и коричневые барраярские растения вились по другой. Свободное пространство оставалось лишь возле широкого окна.

– У нас не очень много места, – извинилась она. – Увы, даже барраярским администраторам приходится довольствоваться тем, что им предлагают. Я закажу для вас гравитационную койку, ее доставят еще до конца ужина. Но по крайней мере эта комната изолированная. Мой дядя так роскошно храпит... Ванная комната чуть дальше направо по коридору.

– Все нормально, – заверил он ее.

Подойдя к окну, Майлз посмотрел на простиравшийся внизу парк. Огни ближайших домов мягко светились в сумеречном освещении полупогасшего солнечного отражателя.

– Я понимаю, что это не совсем то, к чему вы привыкли...

Форкосиган улыбнулся уголком рта:

– Однажды я целых шесть недель спал на грязной земле. Вместе с десятью тысячами чумазных мэрилакцев, многие из которых храпели весьма прилично. Так что уверяю вас, все нормально.

Кэт улыбнулась в ответ, не зная, как реагировать на шутку. Если это вообще шутка. Оставив гостя устраиваться, она поспешила на кухню, чтобы заказать гравикойку и завершить приготовления к ужину.

В конце концов все всё равно собрались на кухне, и коротышка Аудитор снова нарушил планы Кэт, позволив ему налить лишь полбокала вина.

– Я провел семь часов в скафандре. Если выпью больше, то еще до десерта усну лицом в тарелке, – сверкнул он глазами.

Кэт рассадилась всех вокруг стола на балконе и подала пряное жаркое на основе искусственных протеинов, которое, как она и предполагала, пришлось дяде по вкусу. Пустив по кругу хлеб и вино, она наконец выбрала время для разговора с дядей.

– Как продвигается ваше расследование? Сколько вы здесь пробудете?

– Боюсь, не дальше, чем ты слышала в новостях, – хмыкнул Фортиц. – Возможно, мы пробудем здесь до тех пор, пока аварийная команда не закончит собирать обломки. Нам недостает пока кое-каких очень важных кусков. Грузовик был загружен под завязку и обладал колоссальной массой. Когда двигатель взорвался, обломки разлетелись во все стороны.

Нам просто необходимы все части системы управления, которые только удастся отыскать. Если повезет, большую часть аварийщики выловят дня за три.

– Значит, это диверсия? – поинтересовался Тьен.

Дядя Фортиц пожал плечами:

– Поскольку пилот погиб, доказать это будет крайне сложно. Во всяком случае, аварийщики пока что не обнаружили никаких следов взрывчатки.

– Взрывчатка в данном случае была бы лишней, – пробормотал Форкосиган.

– Вращающийся грузовик влетел в отражатель под самым скверным углом, – продолжил дядя Фортиц. – Половина урона нанесена обломками самого отражателя. При такой силе удара и инерции он просто сам себя разнес на части.

– Если именно этого они и добивались, то математический расчет должен быть просто сногшибательно точен, – сухо заметил Форкосиган. – Одно лишь это склоняет меня к мысли, что произошел действительно несчастный случай.

Катриона наблюдала за мужем, который исподволь не сводил глаз с коротышки Аудитора, и читала в его взгляде молчаливый приговор: «Мутант!» Что может думать Тьен о человеке, в котором столь явно видны признаки отклонения от нормы, но который воспринимает это без всякого чувства вины или стеснительности?

Тьен с любопытством повернулся к Форкосигану:

– Я понимаю, почему император Грегор направил сюда профессора, поскольку лорд Фортиц – самый признанный имперский авторитет в области анализа инженерных неполадок. А каково... хм... ваше участие в этом деле, лорд Аудитор Форкосиган?

Губы Форкосигана искривились в ухмылке.

– У меня есть кое-какой опыт по работе с космическими конструкциями. – Наклонившись вперед, он поднял голову. В его глазах мелькнула на мгновение ирония и тут же исчезла. – Вообще-то, пока идет расследование причин катастрофы, я всего лишь пристяжной. Это первая по-настоящему интересная задача, с которой мы столкнулись с тех пор, как я принес присягу Аудитора три месяца назад. И мне захотелось посмотреть, как ведется следствие. Поскольку император Грегор собирается жениться на комаррианке, он кровно заинтересован в том, чтобы эта авария имела как можно меньше политических последствий. Сейчас очень неподходящее время для осложнений в барраяро-комаррских отношениях. Но будь то диверсия или просто несчастный случай, повреждение отражателя так или иначе скажется на Проекте Терраформирования. Кстати, насколько мне известно, ваш сектор «Серифоза» весьма показателен в плане осуществления этого проекта?

– Да. Завтра я проведу для вас экскурсию, – пообещал Тьен. – У меня есть полный отчет, специально подготовленный моими комаррскими помощниками. Но самые важные выкладки по-прежнему чисто умозрительные. Как скоро починят отражатель?

Форкосиган, поморщившись, поднял маленькую ладонь.

– Зависит от того, сколько денег выделит империя. И вот тут все действительно принимает очень серьезную политическую окраску. Ведь на самом Барраяре тоже активно ведется терраформирование, а эмигранты с обеих планет заполнили практически все рейсы на Зергияр, и поэтому кое-кто из членов правительства открыто удивляется, зачем мы тратим столько средств из имперской казны на Комарру.

По его ровному тону Кэт так и не поняла, разделяет он сам это удивление или нет.

– Терраформирование на Комарре началось за три века до того, как мы ее завоевали, – недоуменно сказала она. – Вряд ли мы можем сейчас остановить этот процесс.

Форкосиган пожал плечами:

– Есть еще одна позиция, чисто военная. Сокращение численности населения под куполами делает Комарру более уязвимой с военной точки зрения. Зачем давать жителям покоренного мира больше жизненного пространства, где они смогут перегруппироваться и

набраться сил? Эта позиция базируется на очень любопытном предположении, что через триста лет, когда терраформирование уже завершится, население Барраяра на Комарре еще не ассимилируется. Потому что если народ ассимилируется, то купола станут нашими, и нам уж точно не захочется, чтобы они были уязвимы, а?

Он помолчал, пережевывая жаркое, выпил глоток вина и продолжил:

– Поскольку ассимиляция – основная цель политики Грегора, а там, где дело касается проводимой им политики, он давит всем весом своей императорской власти... то проблема возможного мотива диверсии становится – хм – более запутанной. Возможно, диверсанты – барраярские изоляционисты? Или комаррианские экстремисты? И намерены публично возложить вину на противника? Насколько эмоционально привязаны живущие под куполами комаррианцы к цели, осуществление которой не увидит никто из ныне живущих? Может, они в данный момент предпочтут сэкономить деньги? Диверсия или простая авария – с технической точки зрения разницы никакой, но с политической – огромная.

Они с Фортицем обменялись быстрыми взглядами.

– Так что я наблюдаю, слушаю и жду, – закончил Форкосиган и обратился к Тьену: – А как вам нравится Комарра, администратор Форсуассон?

Тьен, усмехнувшись, пожал плечами:

– Все прекрасно, кроме самих комаррцев. Оказывается, они чертовски обидчивы.

Брови Форкосигана поползли вверх.

– У них нет чувства юмора?

Катриона удивленно поглядела на него, невольно вздрогнув от сухости его тона, но явно ничего не заметивший Тьен лишь хмыкнул.

– Они делятся примерно поровну на жадных и сварливых. Осуждение барраярцев считается здесь патриотическим долгом.

– А вы как считаете, госпожа Форсуассон? – Форкосиган протянул Катрионе опустевший бокал.

Наполнив бокал до краев, прежде чем гость успел ее остановить, Кэт задумалась над ответом. Если дядя – технический эксперт в этом аудиторском дуэте, то, значит, на долю Форкосигана остается... политическая оценка? Так кто же действительно главный в этой команде? Уловил ли Тьен скрытый смысл речи маленького лорда?

– Мне не так просто обзавестись друзьями среди комаррцев. Николас ходит в барраярскую школу. А я не работаю.

– Фор-леди не обязаны работать, – улыбнулся Тьен.

– Как и фор-лорды, – очень тихо добавил Форкосиган, – и тем не менее...

– Это зависит от способности правильно выбрать родителей, – немного желчно заметил Тьен и искоса глянул на Форкосигана. – Удовлетворите мое любопытство. Вы родственник бывшего лорда-регента?

– Он мой отец, – коротко ответил Форкосиган. Он больше не улыбался.

– Значит, вы – тот самый лорд Форкосиган, наследник графа.

– Да. Само собой разумеется.

Теперь Форкосиган говорил неприятно сухо.

– Должно быть, ваше детство было очень трудным, – выдохнула Катриона.

– Он справился.

– Я имею в виду – для вас!

– А! – Быстрая улыбка вернулась и тут же снова исчезла.

Катриона чувствовала, что разговор свернул совершенно не в то русло. Она не осмеливалась открыть рот, чтобы попытаться сменить тему. Тьен тем временем продолжал:

– Ваш отец, великий адмирал, был очень огорчен, что вы не можете сделать военной карьеры?

– Гораздо больше расстраивался мой дед, великий генерал.

– Я сам отслужил десять лет, как положено. В управлении. Скукотища! Так что уж поверьте мне, вы не много потеряли, – благосклонно отмахнулся Тьен. – Но ведь сегодня каждый фор не обязан быть военным, а дядя Фортиц? И вы – тому живое подтверждение!

– Если не ошибаюсь, капитан Форкосиган прослужил... э-э-э... тринадцать лет, кажется, да, Майлз? В Имперской безопасности. Галактические операции. Тебе было скучно?

Форкосиган на мгновение радостно и искренне улыбнулся профессору.

– Вот уж нет! – Он вскинул голову в явно привычном нервном тике. И Катриона впервые заметила тонкие шрамы на его короткой шее.

Она выпорхнула на кухню, чтобы принести десерт и дать разговору поутихнуть. Когда она вернулась, все более или менее успокоилось, во всяком случае, Николас перестал вести себя неестественно прилично, то есть тихо, и всюду приставал к деду, чтобы тот поиграл с ним после ужина в его последнюю любимую игру. Это позволило всем мирно дотянуть до того момента, когда доставили заказанную кровать и великий инженер отбыл со всем мужским населением проследить за ее установкой. А Катриона с благодарностью вернулась к привычным делам – мытьем посуды и уборке.

Тьен заглянул, чтобы сообщить ей об успешной установке гравикойки и заверить, что фор-лорд устроен вполне прилично.

– Тьен, ты хорошо рассмотрел этого парня? – спросила Катриона. – Мутант, фор-мутант, а ведет себя так, будто ничего необычного в его внешности нет. Если уж он может... – Она замолчала, не договорив «то наверняка сможешь и ты», предоставив это Тьену.

– Не начинай заново, – нахмурился Тьен. – Ведь совершенно очевидно, что он думает, будто на него правила не распространяются. Он – сын Эйрела Форкосигана, черт подери! Фактически сводный брат императора! Ничего удивительного, что он заполучил это роскошное императорское назначение.

– Я так не считаю, Тьен. Ты что, совсем его не слушал? – *Весь этот скрытый смысл...* – Я думаю... Мне кажется, он – доверенное лицо императора, посланный, чтобы оценить весь Проект Терраформирования. Он очень могущественный... Возможно, опасный...

– Это его отец был могущественным и опасным, – покачал головой Тьен. – А он всего лишь пользуется привилегиями. Чертов зануда фор! Не беспокойся за него. Твой дядя довольно скоро нас от него избавит.

– Я беспокоюсь вовсе не за него!

Лицо Тьена потемнело.

– Мне это начинает надоедать! Ты оспариваешь практически все, что я говорю, унижаешь мой интеллект перед твоим столь высокопоставленным родственником...

– Ничего подобного!

Или так оно и есть? Она в растерянности стала мысленно перебирать свои высказывания за ужином. Что же она такого сказала, что его так взбесило...

– То, что ты племянница великого Аудитора, не делает тебя кем-то значительным, девочка! Это измена, вот что это такое!

– Нет-нет, извини меня...

Но он уже вышел вон. Значит, ночью между ними повиснет ледяное молчание. Кэт чуть было не бросилась за мужем, чтобы вымолить прощение. Ему так тяжело на работе, и сейчас действительно не самое подходящее время, чтобы давить на него с лечением... Но ей внезапно до смерти все это надоело. Убрав остатки еды, она взяла полбутылки вина и бокал и вышла на балкон. Она долго сидела, в молчании глядя на огни комаррского города. Покореженный отражатель почти скрылся за горизонтом следом за солнцем.

На кухне мелькнула белая фигура, на мгновение испугав ее. Но это оказался всего лишь лорд-мутантик, скинувший свой элегантный пиджак и сапоги. Он сунул голову в дверной проем:

– Привет!

– Приветствую, лорд Форкосиган. Я тут сижу и люблюсь на заход отражателя. Не хотите ли... хм... немного вина? Сейчас я принесу вам бокал...

– Нет, не вставайте, госпожа Форсуассон. Я сам все сделаю. – Он едва заметно улыбнулся в ответ на ее слабую улыбку. С кухни раздался приглушенный звон, и через мгновение гость снова появился на балконе. Как вежливая хозяйка, Кэт наполнила его бокал, который он поставил подле ее рюмки. Форкосиган взял бокал и подошел к перилам, глядя на то, что можно было рассмотреть на небе через купол.

– Это самое большое преимущество нашего жилища, – заметила она. – Кусочек вида на запад. – Солнечный отражатель великолепно смотрелся на линии горизонта, но его обычный блеск сильно померк из-за последствий аварии. – Обычно заход отражателя гораздо более эффектен, чем сейчас.

Потягивая прохладное вино, она наконец почувствовала, что мозги несколько затуманиваются. Это было приятно. Легкое опьянение успокаивало.

– Вижу, что это должно быть очень красиво, – согласился он, глядя в небо, и сделал большой глоток. Может, решил выпить побольше, чтобы уснуть?

– По сравнению с домом местный горизонт кажется слишком загруженным и замкнутым. На мой взгляд, эти купола вызывают клаустрофобию.

– А где для вас дом? – повернулся он к ней.

– На Южном континенте. В Вандевилле.

– Значит, вы росли среди терраформирования.

– Комаррцы бы сказали, что это не терраформирование, а всего лишь «благоустройство почвы». – Он рассмеялся вместе с ней над столь метко переданным ею комаррским технократическим снобизмом. – И они правы, конечно, – продолжила она. – Нам не пришлось тратить полтысячелетия на преобразование атмосферы целой планеты. Единственная трудность была в Период Изоляции, когда мы были лишены передовых технологий. И все же... дома я любила открытые пространства. И скучаю по огромному небу от края до края.

– Ваши слова относятся к любому городу, не важно, под куполом он или нет. Так, значит, вы сельская девочка?

– Отчасти. Хотя, когда я училась в университете, мне нравился Форбарр-Султан. Там открывались другие горизонты.

– Вы изучали ботанику? Я обратил внимание на вашу библиотеку и на стенку с растениями у вас в кабинете. Весьма впечатляет.

– Нет. Это скорее хобби.

– Вот как? А я бы принял это за страсть. Или профессию.

– Нет. Тогда я еще не знала, чего хочу.

– А теперь знаете?

Кэт рассмеялась, испытывая некоторую неловкость. Она не ответила. Форкосиган, чуть заметно улыбаясь, прошелся по балкону, изучая высаженные ею растения, и остановился перед бонсаи, сидевшем, как Будда, в своем крошечном горшке. Ветки алого растения торчали в позе молчаливой мольбы.

– Позвольте поинтересоваться, а это что такое? – жалобно произнес он.

– Это бонсаи дерева скеллитум.

– Правда?! Да это же... Я и не знал, что со скеллитумом можно такое сотворить! Обычно они пятиметровой высоты. И очень мерзкого коричневого цвета.

– У меня была двоюродная бабушка со стороны отца, которая увлекалась садоводством. Ребенком я обычно ей помогала. Она была очень жесткой женщиной пограничья, ярко выраженной фор-леди. Бабушка приехала на Южный континент сразу после окончания цетагандийского вторжения. Пережила нескольких мужей, пережила... ну, все пережила. Я унаследовала бонсаи от нее. Это единственное растение, которое я привезла с Барраяра на Комарру. Ему больше семидесяти лет.

– Бог мой!

– Это зрелое дерево, полностью сформировавшееся.

– И... э-э-э... низенькое!

Кэт на мгновение испугалась, что невольно оскорбила его, но, судя по всему, все обошлось. Форкосиган покончил с осмотром и вернулся к перилам и вину. Нахмурившись, он вновь посмотрел на уходящий за горизонт отражатель.

Было в этом лорде что-то такое, что, невзирая на его явные физические недостатки, не позволяло отпускать шуточки по поводу его внешности. Но коротышка-фор всю жизнь с этим жил, и у него было время привыкнуть. Для него мутация не оказалась ужасным сюрпризом, как для Тьена, узнавшего правду из бумаг покойного брата и выявившего потом при помощи тайно проведенных тестов дистрофию Форзонна у себя и у Николаса. «Ты же мог анонимно пройти тестирование!» – спорила она. «Да, но лечиться анонимно невозможно!» – возражал он.

За время пребывания на Комарре она уже практически созрела, чтобы нарушить обычаи, закон и приказы своего супруга и повелителя и отвести сына к врачу. Знают ли комаррские доктора, что, согласно барраярским законам, фор-леди не является законным опекуном собственного сына? Может, ей лучше сказать, что генетический дефект унаследован от нее, а не от Тьена? Вряд ли. Любой мало-мальски грамотный генетик быстро установит истину.

Немного помолчав, Кэт задумчиво произнесла:

– Мужчина-фор в первую очередь верен своему сюзерену, императору, а фор-леди – своему мужу.

– Исторически и по закону это так. – В голосе Форкосигана прозвучало веселье, когда он повернулся к ней. – И это было фор-леди не всегда во вред. Когда мужа казнили за измену, подразумевалось, что жена лишь следовала его приказам, и потому она оставалась жива и невредима. Вообще-то я всегда подозревал, что за этим кроется более прозаическая вещь. Просто планета с малым количеством населения не могла позволить себе роскошь терять производительниц.

– А вам это не казалось несколько странным и неправильным?

– Но для женщины так гораздо проще. У большинства барраярских женщин бывает в жизни всего один муж, а императоров форам приходилось выбирать слишком часто. И что тогда? Кому бы женщины отдали предпочтение? Скверный выбор мог оказаться смертельно опасным для всей планеты. Впрочем, когда мой дед, генерал Петер, вместе со своей армией покинул безумного императора Ури, для Ури это оказалось смертельным. Но полезно для Барраяра.

Кэт отпила глоток вина. Со своего стула она видела искореженный силуэт Майлза на фоне темнеющего купола.

– Верно. А ваша страсть – политика, не так ли?

– Господи, нет! Я так не считаю!

– История?

– Только в прошлом. – Он поколебался. – Когда-то это была воинская служба.

– Когда-то была?

– Когда-то была, – решительно повторил он.

– А теперь?

На сей раз пришла его очередь промолчать. Он поглядел на свой бокал и покачал его, взболтнув остатки вина на дне.

– В барраярской политической структуре все взаимосвязано. Простолюдины хранят верность своим графам, графы – императору, а император, предположительно, верен империи в целом, империи как... э-э-э... живой плоти. Этот пункт я считаю несколько абстрактным. Как он может отвечать перед всеми, не отвечая перед каждым в отдельности? И таким образом мы возвращаемся к пункту «А». – Форкосиган опустошил бокал. – Так насколько же мы ответственны за других?

Я уже теперь и не знаю...

Повисло молчание. Оба наблюдали за последними исчезающими бликами скрывшегося за холмами отражателя. Бледные отсветы еще несколько минут светились в небе.

– Что ж, кажется, я немного перебрал. – Ей он вовсе не показался пьяным, но лорд Форкосиган, покатав бокал в ладонях, оттолкнулся от перил. – Спокойной ночи, госпожа Форсуассон.

– Спокойной ночи, лорд Форкосиган. Приятных снов.

Прихватив свой бокал, он исчез во тьме.

Глава 2

Майлз выплыл из сна. Ему снились волосы хозяйки дома. Не сказать, что сон был эротическим, но до неловкости чувственным. Распущенные, а не затянутые в скромную прическу, как вчера, темно-каштановые с янтарным отливом волосы струились сквозь его пальцы... Майлз надеялся, что пальцы были именно его, ведь сон-то видел он, а не кто-то другой. *Я слишком рано проснулся. Тьфу!* Во всяком случае, нынешнее видение не имело ничего общего с его обычными гротескными кошмарами, после которых он просыпался в холодном поту с бешено колотившимся сердцем. А сейчас ему было тепло и уютно лежать на дурацкой гравикойке, которую она зачем-то для него заказала.

Госпожа Форсуассон не виновата, что относится к определенному типу женщин, вызывающему в голове Майлза старые видения. Некоторые мужчины одержимы весьма странными вещами... Сам же он был заиклен, как уже давно выяснил, на высоких хладнокровных брюнетках со спокойными сдержанными лицами и теплым альтом. Вообще-то в мире, где люди меняют лица и тела с той же легкостью, как обновляют гардероб, в ее красоте нет ничего необычного. Пока не вспомнишь, что она не местная, и не сообразишь, что ее кожа цвета слоновой кости не знакома с косметической хирургией... Интересно, определила ли она за его идиотской болтовней на балконе скрытую сексуальную панику? Это странное замечание об обязанностях фор-леди не являлось ли предупреждением, чтобы он не раскатывал губу? Но он ведь, кажется, ничем не проявил своей заинтересованности. Или он настолько прозрачен?

Буквально через пять минут после приезда в этот дом Майлз понял, что ему не следовало позволять гениальному и эксцентричному Фортицу тащить его на планету, но этот человек явно не мог не поделиться тем, что имеет. То, что эта семейная встреча может оказаться далеко не столь радостным событием для постороннего человека, совершенно очевидно не приходило профессору в голову.

Майлз вздохнул от зависти к хозяину дома. Администратор Форсуассон, судя по всему, сумел создать совершенный маленький форский клан. Конечно, ему хватило мозгов начать его создавать лет десять назад. Появление галактических медицинских технологий на Барра-яре привело к сокращению численности младенцев-девочек. Самый пик этого кризиса пришелся на поколение Майлза, хотя сейчас, кажется, к родителям начал возвращаться здравый смысл. Однако это не меняло того факта, что все знакомые Майлзу женщины, подходящие ему по возрасту, были уже замужем, и давно. Может, ему придется дожидаться своей невесты еще лет двадцать?

Не бегай за замужними, парень! Ты теперь Имперский Аудитор. Предполагалось, что девять Имперских Аудиторов должны являть собой образец респектабельности и сдержанности. Майлз не мог припомнить ни одной сплетни о скандальных похождениях кого-нибудь из этих высокопоставленных агентов-наблюдателей императора Грегора. Конечно, откуда бы? Остальным Аудиторам по восемьдесят лет, и пятьдесят из них они женаты! Майлз зарычал. К тому же она скорее всего полагает, что он мутант, хотя, к счастью, достаточно хорошо воспитана, чтобы не говорить об этом. Ему в лицо.

Так узнай, нет ли у нее сестры, а?

Откинув боковины гравикойки, он сел и постарался прочистить себе мозги. По самым скромным предположениям, сотни две тысяч слов в новых отчетах об аварии с отражателем и ее последствиях помогут ему справиться с неожиданно возникшей личной проблемой. Майлз решил, что, пожалуй, начнет с холодного душа.

Облачиться в удобный комбинезон сегодня не получится. Выбрав один из трех новых официальных костюмов (разных оттенков серого, серого и серого), Майлз причесал влажные волосы и отправился на кухню госпожи Форсуассон, откуда доносились голоса и аромат свежего кофе. Там он увидел Николаса, жующего хлопья с молоком по-барраярски, полностью одетого администратора Форсуассона, готового, судя по всему, отбыть на службу, и профессора Фортица в пижаме, хмуро перебирающего новые дискеты с данными по аварии. У его локтя стоял нетронутый стакан розового фруктового сока. Глянув на вошедшего, профессор сказал:

– А, Майлз! Доброе утро! Рад, что ты уже встал.

– Доброе утро, лорд Форкосиган, – вежливо приветствовал Форсуассон. – Надеюсь, вы хорошо спали?

– Спасибо, отлично. Что нового, профессор?

– Из местного отделения СБ прибыл твой комм. – Фортиц указал на лежащий возле его тарелки приборчик. – Как я заметил, мне они такого не прислали.

– Ваш отец не так прославился во время захвата Комарры, – скривился Майлз.

– Верно, – согласился Фортиц.

– Старый джентльмен был как раз из того странного поколения, которое оказалось слишком юным во время цетагандийского вторжения и слишком старым во время вторжения на несчастную Комарру. Что постоянно служило для него источником великого огорчения.

Майлз прикрепил комм к левому запястью. Прибор служил компромиссом между ним и отделением Имперской службы безопасности Серифозы, которое отвечало здесь за его здоровье. СБ хотела было окружить его ненавязчивой толпой телохранителей, но Майлз попробовал прибегнуть к своему авторитету Имперского Аудитора. К его великому удовольствию, это сработало. Комм обеспечивал прямую связь с СБ и позволял определить его, Майлза, местонахождение. Майлз постарался подавить чувство, будто он – некое выпущенное на свободу подопытное животное.

– А это что? – кивнул он на дискеты.

Фортиц швырнул дискеты на стол, как бросают карты при плохом раскладе.

– С утренним курьером прибыли записи с последними сведениями о ночной охоте за обломками. И кое-что специально для тебя, раз уж ты любезно согласился следить за медицинской стороной дела. Результаты предварительной аутопсии.

– Они наконец-то нашли пилота? – Майлз забрал дискеты.

– Ее куски, – скривился Фортиц.

Как раз в это время с балкона на кухню вошла госпожа Форсуассон.

– О Боже! – воскликнула она.

Кэт, как и вчера, была одета по комаррской моде: свободные брюки, блузка и длинный, скрывающий фигуру пиджак. Все в скучных коричневых тонах. А она бы была просто великолепна в красном или хороша до умопомрачения в нежно-голубом, с ее-то синими глазами... Волосы Катриона, к великому облегчению Майлза, скромно собрала в узел на затылке. Было бы несколько неприятно думать, что после его последнего ранения, помимо этих чертовых припадков, у него развились еще и способности провидца.

Поздоровавшись с госпожой Форсуассон, Майлз снова повернулся к профессору:

– Должно быть, я крепко спал. Не слышал, когда прибыл курьер. Вы уже их просмотрели?

– Мельком.

– Какие куски пилота они нашли? – заинтересованно спросил Николас.

– Не твоего ума дело, молодой человек, – твердо отрезал дед.

– Спасибо, – тихо поблагодарила его Катриона.

– Во всяком случае, это последнее из ненайденных тел. Отлично, – бросил Майлз. – Для близких всегда большая трагедия, когда кого-то не находят. Когда я был... – Он резко замолчал. *Когда я был галактическим опером и командовал флотом, мы небо переворачивали, чтобы найти своих погибших и вернуть их тела родственникам.* Теперь эта глава его жизни закончена.

Госпожа Форсуассон, эта роскошная женщина, протянула ему чашку кофе. Затем поинтересовалась, что ее гости хотят на завтрак. Майлз исхитрился вынудить Фортица ответить первым и присоединился к его выбору. Пока Кэт подавала завтрак и убирала посуду Никки, администратор Форсуассон сообщил:

– Мой департамент будет готов предстать перед вами сегодня после обеда, Аудитор Фортиц. А на утро – Катриона спрашивала, не хотите ли вы посетить школу Николаса. После знакомства с моим департаментом, возможно, останется время облететь некоторые наши объекты.

– По-моему, неплохая программа. – Профессор Фортиц улыбнулся Николасу. При всей поспешности отлета с Барраяра он – или его супруга – не забыл о подарке внучатому племяннику. *Мне бы тоже следовало привезти парнишке что-нибудь,* запоздало подумал Майлз. *Лучший способ очаровать мать.*

– Э-э... Майлз?

Майлз положил кипу дискет рядом с тарелкой.

– Подозреваю, что мне будет чем заняться сегодня утром. Госпожа Форсуассон, в вашем кабинете я видел комм-пульт. Могу ли я им воспользоваться?

– Конечно, лорд Форкосиган!

Что-то вежливо бормоча о необходимости навести порядок в департаменте, Форсуассон удалился, а вскоре и завтрак подошел к концу. Все разбрелись по своим делам. Майлз с дискетами в руке вернулся в превращенный временно в спальню кабинет госпожи Форсуассон.

Прежде чем сесть за комм, он немного постоял у окна, глядя на парк и прозрачный купол, сквозь который пробивались солнечные лучи. Поднимающегося на востоке комаррского солнца отсюда не было видно, поскольку окно выходило на запад, но его лучи освещали дальний конец парка. Поврежденный солнечный отражатель еще не показался над горизонтом.

Итак, не означает ли это семь столетий несчастья?

Вздохнув, он затемнил окно, что было в общем-то лишним, уселся за комм и начал скормливать ему диски с данными. Нынче ночью нашли пару десятков довольно больших обломков. Майлз просмотрел видеосъемку вращающихся в космосе кусков, заснятых со спасательного корабля. Теория гласила, что если вы найдете все куски, точно рассчитаете их траекторию и вращательный момент, то в конечном итоге сможете построить математическую модель катастрофы и таким образом определить ее причины. Увы, в реальной жизни практика сильно расходилась с теорией, но мельчайшие детали все равно могли оказать существенную помощь. Комаррская СБ до сих пор прочесывала все орбитальные пересадочные станции в поисках туристов, возможно, снимавших на видео именно этот участок пространства в момент столкновения. Майлз не без оснований полагал, что теперь это уже бесполезное занятие. Обычно свидетели, ежели таковые имеются, объявляются моментально, возбужденные и жаждущие оказать помощь.

Фортиц с аварийщиками пришли к выводу, что рудовоз к моменту столкновения с отражателем уже развалился на части. Вывод, который еще не оглашался. Итак, уничтоживший все возможные улики взрыв двигателей был причиной или следствием этой катастрофы? И в какой момент эти искореженные куски металла и пластмассы получили самые любопытные повреждения?

Майлз снова просмотрел – уже двадцатый раз за последнюю неделю – рассчитанный компьютером курс грузовика до момента столкновения и еще раз отметил аномалии. На корабле был только пилот, и осуществлял он рутинный – и жутко скучный – перелет от пояса астероидов до орбитального перерабатывающего завода. В момент аварии двигателя, по идее, не должны были работать в активном режиме, поскольку ускорение уже закончилось, а торможение еще не должно было начаться. Грузовик опережал график примерно на пять часов, но лишь потому, что рано вылетел, а не потому, что летел быстрее обычного. Он отклонился от курса примерно на шесть процентов, в пределах нормы, и проводить корректировку было еще рано, хотя пилот и могла забавляться тем, что пыталась провести корабль более точно в каких-то минимальных пределах. Даже если имелось небольшое исправление курса, маршрут транспорта все равно пролегал в нескольких сотнях километрах от отражателя. На самом деле даже дальше, если бы он точно следовал курсу.

К чему действительно привело отклонение от курса, так это к тому, что грузовик следовал практически параллельно одному из неиспользуемых комаррских п-в-туннелей. Космическое пространство вокруг Комарры было необычайно богато действующими п-в-переходами. Факт, имеющий огромные стратегические и исторические последствия: один из туннелей был единственным выходом Барраяра к окружающим мирам. И именно из-за контроля над п-в-туннелями, а не ради обладания этой холодной планетой барраярский флот захватил тридцать пять лет назад Комарру. И до тех пор, пока имперские военные удерживают п-в-переходы, их интерес к населению Комарры и его проблемам оставался, мягко говоря, умеренным.

Однако именно через этот туннель не было ни движения, ни торговли. И военной угрозы он тоже не представлял. Исследовательские экспедиции попадали через него либо в пустое пространство, либо к звездам, не имеющим пригодных для заселения или богатых ресурсами планет. Никто не осуществлял через этот туннель переход. И никто не должен был его осуществлять. Возможность появления из туннеля какого-то негодяя, напавшего на безобидный рудовоз, причем – не стоит забывать – с каким-то не оставляющим следов оружием, и тут же запрыгнувшего обратно, была только что отмечена ввиду отсутствия каких-либо доказательств, а в поисках доказательств этот участок был уже прочесан вдоль и поперек. Подобный сценарий вовсю эксплуатировали местные средства массовой информации, но никаких следов, обычно оставляемых прошедшими через п-в-туннель кораблями, обнаружено не было.

Аномалии пятимерного пространства п-в-туннеля вообще невозможно отследить из трехмерного пространства. И в любом случае они никак не могли воздействовать на грузовик, даже если бы корабль пролетал прямо напротив центра выхода из туннеля. Транспорт был каботажным судном, без двигателей Неклина, и не имел возможности осуществить скачок. И все же... там есть лишь п-в-туннель. И ничего больше.

Майлз помассировал шею и вернулся к файлу с отчетом о результатах аутопсии. Жутких, как обычно. Пилотом транспорта была тридцатипятилетняя жительница Комарры. Это, если угодно, можно было назвать барраярским мужским шовинизмом, но женские трупы всегда производили на Майлза гораздо более гнетущее впечатление, чем мужские. Смерть – такой хитрый и злобный уничтожитель человеческого достоинства. Неужели он, Майлз, тоже выглядел таким же выпотрошенным и выставленным напоказ, когда попал под огонь джексопианского снайпера? Тело пилота отражало обычный в таких случаях ход событий: раздавленное, разорванное вакуумом, облученное и замороженное. Все типичные признаки смерти в космосе. Одна рука оторвана – скорее всего в самом начале, судя по вытекшей из обрубка крови. Что ж, по крайней мере смерть была мгновенной. Но Майлз слишком хорошо знал все это на собственном опыте, чтобы добавить «и почти безболезненной». В тканях не обнаружено никаких следов алкоголя или запрещенных наркотиков.

Комаррский медэксперт, помимо шести заключительных отчетов, прислал запрос Майлзу на разрешение передать тела шестерых погибших на отражателе техников семьям. Бог ты мой, неужели этого до сих пор не сделали? Как Имперский Аудитор, Майлз должен был не вести расследование, а лишь наблюдать за его ходом и докладывать о результатах. Он вовсе не желал, чтобы его присутствие подавляло чью-то инициативу. Майлз немедленно отправил разрешение прямо с комманды госпожи Форсуассон.

Он приступил к работе с шестью заключениями. Отчеты были подробнее, чем предварительные, но никаких сюрпризов не содержали. А ему сейчас очень хотелось какого-нибудь сюрприза, любого, какого угодно, только не «корабль взорвался без всякой причины. Семеро погибших». И еще поистине астрономического счета за причиненный ущерб. Когда Майлз переварил три заключения, а скудный завтрак начал вызывать глубокие сожаления у его желудка, он откинулся на спинку стула, чтобы мысленно еще раз обдумать прочитанное.

Размышляя, он лениво просматривал файлы госпожи Форсуассон. Один из них, озаглавленный «виртуальные сады», показался заманчивым. Может, она не обидится, если он в них заглянет? Файл «водный сад» заинтриговал Майлза, и он открыл его.

Как он и предполагал, это оказалась программа по дизайну ландшафта. Она позволяла разглядывать под любым углом, в любой проекции и масштабе и в самых мельчайших деталях любой участок. С этой программой практически кто угодно мог спроектировать сад на любом уровне. Майлз выбрал сад с чем-то там до пяти футов высотой. Растения росли в соответствии с реальными условиями, с учетом освещения, влажности, силы тяжести, удобрений. На них даже обрушивались виртуальные вредители. Сад был заполнен примерно на треть – трава, фиалки, водяные лилии и папоротники. Он только что пережил вспышку роста лишайников. В незаконченных уголках сада краски и очертания резко обрывались, будто на него надвигался какой-то чуждый серый геометрический мир.

В Майлзе проснулось любопытство, и в лучшем стиле оперативника Имперской безопасности он принялся копаться в программе в поисках задействованных уровней. Самым загруженным, как он выяснил, оказался тот, что был озаглавлен «барраярский сад». Майлз вывел его на дисплей, снова выбрал соответствующий своему росту масштаб и открыл файл.

Это оказался вовсе не красивый, засаженный земными растениями традиционный сад Барраяра, а созданный из одних лишь барраярских растений парк. Майлз и предположить не мог, что такое возможно, не говоря о том, что это так красиво. Он всегда считал, что буро-красная растительность Барраяра в лучшем случае навеивает тоску. Единственные барраярские растения, которые он знал и мог назвать, были те, что вызывали у него жуткую аллергию. Но госпожа Форсуассон каким-то образом сумела использовать цвет и форму для создания чего-то очень безмятежного. Камни и вода обрамляли островки светлой и острой как бритва травы, которая, как его когда-то заверили, с точки зрения ботаники и не трава вовсе. Хотя режущие качества этой растительности никто не оспаривал. Судя по народным названиям, первым барраярским колонистам не нравилась их новая ксеноботаника: чертов сор, индюшкина гибель, овечья отравка.

...Это прекрасно. Как ей удалось создать такую красоту? Майлз в жизни не видел ничего подобного. Наверное, с таким видением мира нужно родиться. Как с талантом художника, которого, впрочем, у Майлза тоже не наблюдалось.

В Форбарр-Султане, имперской столице, возле особняка Форкосиганов на месте снесенного ветхого здания имелся крошечный унылый зеленый парк. Он был устроен скорее для безопасности лорда-регента, чем из эстетических соображений. Разве не будет просто здорово заменить его укрупненной версией вот этого компьютерного великолепия и дать таким образом почувствовать столичным штучкам прелесть их собственной планеты? Даже если на то, чтобы деревья выросли, потребуется – Майлз уточнил на компьютере – пятнадцать лет.

Компьютерная парковая программа предположительно должна была сэкономить время на дорогостоящую разработку макета и помочь избежать ошибок. Но когда единственный имеющийся в твоём распоряжении сад легко умещается в багаже, то можно смело предположить, что перед ним хобби госпожи Форсуассон. Виртуальный сад, безусловно, изящнее реального и – главное – его гораздо легче соорудить. Так почему же у него складывается такое впечатление, что ее это удовлетворяет примерно так же, как голодного – зрелище еды по видео? А может, она просто скучает по дому... Майлз нехотя закрыл файл.

Исключительно по старой привычке он вызвал ее финансовую программу, чтобы подвергнуть ее быстрому анализу. Оказалось, что это ее домашняя бухгалтерия. Катриона вела дом, исходя из исключительно экономного бюджета, надо полагать, в рамках зарплаты администратора Форсуассона. Ежедневные расходы были скорее минимальны. И она отдавала своему ботаническому хобби гораздо меньше времени, чем, судя по результатам, стоило бы. Еще какие-то хобби, скрытые пороки? Путь денег обычно лучше всего отражает истинные цели людей. Именно по этой причине барраярская служба безопасности нанимала лучших имперских бухгалтеров – чтобы скрыть свою деятельность. Итак, госпожа Форсуассон очень мало тратит на одежду, кроме одежды для Николаса. Майлзу доводилось слышать высказывания родителей о том, чего стоит одеть детей, но в данном случае это что-то совершенно из ряда вон... Стоп-стоп, это вовсе не затраты на одежду. Средства, вытасченные отсюда, отсюда и отсюда, стеклись на маленький частный счетик, названный «лечение Николаса». Почему? Разве ей с сыном как членам семьи барраярского служащего на Комарре траты на лечение не покрываются из имперской казны?

Майлз вызвал счет на дисплей. Ее сбережения за год не очень впечатляли, но тем не менее поступления сюда шли постоянно. Майлз, несколько озадаченный, вызвал всю программу. Есть ли ключ к разгадке?

Один из файлов в конце списка не имел названия. Майлз немедленно попытался его открыть. Файл оказался единственным в ее комме, который затребовал пароль. Любопытно...

Программное обеспечение комма было простейшим, одним из самых дешевых. Стажеры Имперской безопасности вскрывали такого рода файлы, как орешки. Майлза на мгновение одолела тоска по дому. Чуть покопавшись, он через пять минут получил пароль. Дистрофия Форзонна? Н-да, такой пароль навскидку не вычислишь...

Привычные рефлексы преодолели возникшую было неловкость. Он мгновенно открыл файл, запоздало подумав: «Ты ведь уже не оперативник СБ. Стоит ли это делать?»

В файле оказались сведения медицинского характера об указанной в пароле болезни, собранные из всевозможных барраярских и галактических источников. Очень редком и малоизученном барраярском генетическом заболевании. Дистрофия Форзонна появилась в Период Изоляции главным образом, как вытекало из названия, в форской среде, но не была определена как мутация вплоть до возвращения на Барраяр галактической медицины. Впервые, она не имела внешних проявлений, из-за которых ему самому, например, перерезали бы пупок при рождении. Болезнь проявлялась в зрелом возрасте, приводя сначала к физической немощи, а затем – к разрушению мозга и к смерти. В мрачном барраярском прошлом носители этой болезни умирали от других причин задолго до проявления симптомов заболевания, успев наплодить наследников. Сумасшедших хватало во многих семьях... *Включая и моих дорогих предков Форратьеров, снятивших по другим причинам.*

Но сейчас ведь это лечится, разве нет?

Да, хотя лечение вылетает в копеечку. Из-за редкости заболевания. Майлз быстро пробежал статьи. Симптомы подавлялись при помощи дорогостоящих биохимических средств, вымывающих и заменяющих поврежденные молекулы. Полное генетическое излечение тоже можно получить, но за гораздо более высокую цену. Ну, почти полное. Всех потомков

все равно необходимо подвергать генсканированию на предмет выявления дистрофии Форзонна, желательно во время оплодотворения и до перемещения в маточный репликатор.

Разве юный Николас созрел не в маточном репликаторе? Господи ты Боже мой, ведь не настаивал же Форсуассон на том, чтобы его жена – и ребенок – прошли через все опасности естественного вынашивания и родов? Лишь немногие из самых консервативных форов все еще придерживались традиции, той самой, которую мать Майлза подвергала самой жестокой и язвительной критике, которую ему доводилось когда-либо слышать из ее уст. И она имеет на это полное право.

Что за чертовщина тут происходит? Сжав губы, Майлз откинулся на стуле. Если, исходя из содержимого файлов, уже известно, что Николас, возможно, является носителем гена дистрофии Форзонна, то один из его родителей – или оба сразу – являются носителями того же недуга. Как давно им об этом известно?

Тут до Майлза вдруг дошло то, на что он не обратил внимания прежде, ослепленный кажущимся семейным благополучием, которое ухитрились продемонстрировать Форсуассоны. Всегда труднее всего восстанавливать недостающие звенья. И в данном случае этим звеном является отсутствие других детей. Как насчет парочки сестричек для Никки, а, предки? Так ведь нет. Они узнали об этом как минимум вскоре после рождения сына. Какой кошмар для них! Но кто же носитель, он или она? Майлз надеялся, что это не госпожа Форсуассон. Страшно подумать, что столь утонченная красота может исчезнуть из-за взрыва внутренней бомбы замедленного действия...

Я не хочу ничего этого знать.

Его недозволительное любопытство только что было наказано. Это идиотское подглядывание недостойно Имперского Аудитора, хотя и осуществлено тайным агентом Имперской безопасности. Бывшим агентом. И где же теперь его сверкающие доспехи Имперского Аудитора? С таким же успехом он мог сунуть нос в ее комод с нижним бельем.

Я не могу оставить тебя ни на минуту без присмотра, да, парнишка?

Он много лет всяческим образом пытался обойти военный устав и наконец заполучил работу, не ограниченную вообще никакими правилами и уставами. Чувство, что он умер и попал в рай, продлилось не более пяти минут. Имперский Аудитор – Голос самого императора, его глаза и уши, а иногда и руки. Очень миленькое описание работы до той минуты, пока не задумаешься, что эта симпатичная поэтическая метафора действительно означает.

Итак, стоит ли подвергать самого себя тестированию, задавшись вопросом: «Могу ли я представить себе Грегора, делающим то или это?» Кажущаяся императорская замкнутость Грегора скрывала его почти болезненную застенчивость. Мозги Майлза скрипели. Ну ладно, поставим вопрос иначе. Может ли он представить себе Грегора, делающего нечто подобное в своем кабинете? Какие действия, неправомерные для простого смертного, вполне законны для Имперского Аудитора при исполнении обязанностей? Множество всяких-разных, исходя из прецедентов, о которых Майлзу довелось прочесть. Значит, Основное Правило гласит: «Делай что хочешь, пока не допустишь ошибки, а тогда мы тебя уничтожим»? Майлз совсем не был уверен, что такая постановка вопроса ему нравится. Скорее вовсе нет.

Даже во время службы в СБ залезать в личные файлы можно было только к врагам или, как минимум, к подозреваемым. Ну и к возможным кандидатам для вербовки. А также к нейтралам, на чьей территории действуешь. А еще... а еще... Майлз хихикнул сам над собой. Во всяком случае, Грегор хотя бы лучше воспитан, чем Имперская служба безопасности.

Очень смущенный, Майлз закрыл файл, уничтожил все следы своей деятельности, вызвал на экран следующее заключение аутопсии и уставился на снимки искореженного тела. У смерти есть температура, и эта температура чертовски низкая. Майлз прервался на минутку, чтобы усилить на пару градусов работу комнатного обогревателя.

Глава 3

Катриона и подумать не могла, что визит Имперского Аудитора так перебудоражит сотрудников школы, где учился Николас. Но профессор, сам преподаватель с большим стажем, быстро дал понять, что это не официальный визит, и произнес все, что необходимо, дабы успокоить учителей. И все же они с дядей Фортицем пробыли в школе значительно меньше, чем рекомендовал ей Тьен.

Чтобы еще немного протянуть время, она провела для дяди небольшую экскурсию по достопримечательностям купола «Серифоза». Показала ему самые красивые сады, самые высокие смотровые площадки, откуда можно было увидеть комаррские ландшафты за пределами купола. Серифоза была столицей этого сектора планеты, но Катрионе по-прежнему приходилось делать над собой усилие, чтобы по барраярской привычке не думать о ней как о провинции. Границы барраярских провинций не были столь упорядочены, они шли вдоль рек и горных склонов, по следам бывших битв, где графские армии проигрывали исторические сражения. Комаррские сектора аккуратно делили всю планету на геометрически правильные части. Но в самих так называемых куполах находились тысячи разнообразных строений, потерявших свои правильные очертания столетия назад, поскольку строились еще под открытым небом и в самых разных, зачастую совершенно не сочетающихся архитектурных стилях.

Несколько запоздало она сообразила, что заслуженного инженера стоило бы провести по самым глубоким техническим туннелям, показать ему энергетические установки и воздушные станции. Но уже пришло время обеда. В ходе экскурсии они оказались возле любимого ресторана Кэт, расположенного якобы на пленэре, где столики стояли в парке под застекленным небом. Поврежденный солнечный отражатель уже взошел и медленно проплывал по небосводу среди облаков – отражатель как бы прятался за ними, стыдясь своей искореженности.

Огромная власть Голоса императора, данная Имперскому Аудитору, практически не изменила дядю, с удовольствием отметила Катриона. Он по-прежнему искренне радовался великолепному десерту и под ее чутким руководством выбрал самые лучшие блюда в меню. Но сказать, что он не изменился вовсе, Катриона не могла: дядя стал несколько более сдержан и тщательно взвешивал свои слова, и не только тогда, когда речь заходила о математических и инженерных расчетах.

Сделав заказ, она проследила за взглядом дяди, который смотрел вверх, изучая отражатель.

– Реальной угрозы, что империя забросит проект с солнечным отражателем, ведь нет, правда? – спросила она. – Мы должны хотя бы его починить. Я хочу сказать... в нынешнем виде он кажется каким-то... каким-то разбалансированным.

– Вообще-то так оно и есть. Из-за солнечного ветра. И с этим придется что-то делать, причем чем быстрее, тем лучше, – ответил Фортиц. – Лично мне, во всяком случае, идея забросить данный проект очень не по душе. Это величайшее инженерное достижение первых колонистов Комарры, если, конечно, не считать куполов. Великое творение лучших людей. Если это диверсия... что ж, тогда ее совершили худшие представители рода человеческого. Вандализм, голый, бессмысленный вандализм.

Вряд ли художник, описывающий разрушение какого-нибудь великого произведения искусства, мог говорить более ядовито, чем дядя.

– Мне доводилось слышать рассказы комаррцев о том, что они испытали, когда войска адмирала Форкосигана захватили отражатель, а захватили они его в первую очередь. Не думаю, что отражатель имеет большое тактическое значение, с учетом огромных скоро-

стей, на которых ведутся космические сражения, но психологический удар был, безусловно, очень силен. Будто мы захватили их солнце. Думаю, возвращение отражателя под контроль Комарры несколько лет назад было очень верным политическим шагом. Надеюсь, что нынешнее происшествие не сорвет это дело.

– Трудно сказать, – последовал сдержанный ответ.

– Поговаривали о том, чтобы снова открыть его смотровую площадку для туристов. Хотя теперь, надо думать, они счастливы, что не успели этого сделать.

– Но существуют экскурсии для особо важных персон. Я сам там был, когда несколько лет назад читал краткий курс в университете Солстиса. К счастью, в день аварии посетителей там не было. Но отражатель должен быть непременно открыт для публики, это полезно со всех точек зрения, в том числе – и для обучения. И возможно, стоит там создать музей, где бы рассказывалось, как его построили. Это был великий труд. Странно осознавать, что его основное практическое применение – создание болот на планете.

– Болота создают пригодный для дыхания воздух. Постепенно, – улыбнулась Катриона.

В представлении дяди чисто инженерная эстетика явно затмевает всякие там «глупые» биологические последствия.

– Ну да, а следующим номером ты начнешь защищать крыс. Насколько я понимаю, здесь водятся настоящие крысы?

– О да! В подкупольных туннелях крыс полно. А также хомяков и морских свинок. Ребятишкам нравится их ловить и держать как домашних любимцев. Вообще-то, если подумать, скорее всего эта живность тут появилась от привезенных домашних питомцев. Лично я считаю, что черно-белые крысы очень сообразительны. Сотрудники ветеринарной службы, занимающиеся контролем над популяцией, вынуждены работать в глубокой тайне от своих юных родственников. Еще у нас здесь есть тараканы. А где их нет? И в Экиноксе – дикие какаду. Несколько десятков лет назад сбежали две пары, а может, их просто выпустили. Теперь эти здоровущие яркие птицы летают повсюду, и люди их кормят. Санитарный контроль хотел было от них избавиться, но акционеры купола проголосовали против.

Официантка принесла заказанные салаты и ледяной чай, и разговор временно прервался, пока дядя с аппетитом поглощал свежий шпинат, манго, лук и сладкий пекан. Кэт так и думала, что сладкий пекан ему понравится. Продукция гидропоники Серифозы была лучшей на всей Комарре.

Воспользовавшись паузой во время перемены блюд, Кэт направила разговор в более интересующее ее русло.

– Ваш коллега лорд Форкосиган, он действительно прослужил тринадцать лет в службе безопасности?

Или ты это сказал просто потому, что тебя раздражает Тьен?

– Три года в Военной академии и десять лет в Имперской службе безопасности, если быть точным.

– Как ему удалось туда поступить, ведь там экзамен по физподготовке?

– Непотизм, я думаю. В некотором роде. Но надо отдать ему должное, в дальнейшем он, судя по всему, этим преимуществом не пользовался. Я с большим интересом прочитал его полностью засекреченное досье, когда Грегор попросил меня вместе с другими Аудиторами рассмотреть кандидатуру Форкосигана.

Кэт подавила легкое разочарование.

– Засекреченное... Значит, ты мне ничего не сможешь рассказать...

– Ну, – ухмыльнулся Фортиц с набитым салатом ртом. – Был там один эпизод на Дагуле. Несколько лет назад. Ты наверняка слышала о нем. О побеге из цетагандийского лагеря для военнопленных огромной группы заключенных мэрилакцев.

Кэт смутно что-то такое припоминала. В то время она была полностью захвачена радостями материнства и мало обращала внимания на новости, особенно на что-то столь далекое, как галактические новости. Но она кивнула, поощряя дядю продолжать.

– Теперь это уже старая история. Насколько я понял со слов Форкосигана, мэрилакцы снимают фильм на этот сюжет. Называется «Великий побег» или что-то в этом роде. Они пытались нанять его – точнее, того, под чьей личиной его знали, – в качестве технического консультанта фильма. Это предложение он был вынужден с сожалением отклонить. Но стремление Имперской безопасности сохранить в тайне события, которые мэрилакцы собираются показать по галактическому видео, кажется мне задачей несколько сложноватой даже для службы безопасности. Ну, в любом случае Форкосиган был тайным агентом Барраяра, и именно он организовал этот побег.

– А я и не знала, что там действовал наш агент.

– Он был подсадной уткой в самом лагере.

Получается, что та шуточка о храпящих мэрилакцах... вовсе не шутка.

– Если он был настолько хорош, то почему ушел в отставку?

– Хм. – Прежде чем ответить, дядя хлебом подобрал с тарелки остатки подливки. – Я могу тебе выдать только отредактированную версию событий. Он ушел не добровольно. Пару лет назад он был тяжело ранен, настолько тяжело, что потребовалась криозаморозка, и некоторые ее последствия оказались неизлечимы. Он был вынужден уйти по состоянию здоровья, и он... хм... не очень хорошо справился с ситуацией. Не мое дело обсуждать подробности.

– Если он был настолько тяжело ранен, что потребовалась криозаморозка, значит, он был мертв! – изумленно воскликнула Кэт.

– Технически, надо полагать, так оно и было. В наши дни понятия «жив» и «мертв» не так определены, как в Период Изоляции.

Итак, у дяди есть сведения медицинского характера о мутации Форкосигана, которые ее так интересуют. Если, конечно, дядя вообще обратил на них внимание. А сведения есть наверняка, потому что военная медицинская комиссия очень строгая и скрупулезная.

– Так что, дабы такая подготовка и огромный опыт не пропали втуне, – продолжил дядя Фортиц, – Грегор подыскал Форкосигану подходящую работу на гражданке. Как правило, обязанности Имперского Аудитора не требуют отменной физической подготовки... Хотя, должен признаться, мне лично очень пригодились наличие человека моложе меня и значительно, я бы сказал, миниатюрнее, чтобы провести исследования наружной стороны отражателя в открытом космосе. Боюсь, я несколько злоупотребил его терпением, но он действительно оказался весьма наблюдательным.

– Он и правда ваш помощник?

– Ни в коем случае! Какой идиот это сказал?! Все Аудиторы равны. Главенство хорошо лишь иногда, чтобы разобраться с делами чисто административного характера в тех редких случаях, когда мы работаем командой. Форкосиган, как благовоспитанный молодой человек, вежлив к моим седидам, только и всего, но он абсолютно независимый Аудитор, обладающий всеми правами, и волен делать все, что ему заблагорассудится. В данный момент ему заблагорассудилось изучить мои методы. А я не премину воспользоваться этим, чтобы изучить его методу.

Видишь ли, по нашей работе учебников нет. Когда-то было предложение, чтобы Аудиторы сами его создали, но они сочли – и, по-моему, очень мудро, – что от этого будет больше вреда, чем пользы. Вместо этого у нас есть архивы, где хранятся отчеты Аудиторов. Просто прецеденты, никаких правил. Не так давно некоторые из вновь назначенных Аудиторов предприняли попытку еженедельно читать несколько старых отчетов, а затем собираться

за ужином, чтобы их обсудить и проанализировать. Очень захватывающее мероприятие. А ужины – просто объедение. У Форкосигана – фантастическая повариха.

– Но это ведь его первое задание, да? И... он был назначен просто так, по императорскому пожеланию?

– Сначала у него было первое задание как у временного, Девятого Аудитора. Очень трудное, внутри самой СБ. Совершенно не для меня работенка.

– О Господи! Неужели он имеет какое-то отношение к тому, что прошлой зимой в Имперской службе безопасности сменилось два шефа?

– Лично я предпочитаю технические расследования, – дипломатично заметил дядя.

Пока Катриона переваривала информацию, появились заказанные ими сэндвичи с цыпленком. Так чего же она на самом деле ищет? Какой поддержки? Она вынуждена признаться, что Форкосиган, с его холодной улыбкой и теплыми глазами, ее волнует, но не могла понять почему. Он довольно-таки язвителен. Уж наверняка она не испытывает подсознательного предубеждения к мутантам, когда Никки...

В Период Изоляции, если бы у меня родился кто-то вроде Форкосигана, то во имя сохранения генофонда моим материнским долгом было перерезать младенцу горло.

Никки, к счастью, избежал бы подобной участи. На время.

Периоду Изоляции пришел конец. Навсегда. Слава Богу.

– Мне кажется, Форкосиган вам нравится, – попробовала она подобраться с другой стороны к интересующему ее вопросу.

– И твоей тете тоже. Мы с ней прошлой зимой несколько раз приглашали его на ужин. Вообще-то, если припомнить, именно тогда ему пришла в голову мысль устроить эти дискуссионные встречи. Я знаю, что поначалу он тихий – из осторожности, надо полагать, – но становится очень шустрым, как только представляется возможность.

– Он тебя забавляет?

На саму Катриону Форкосиган произвел какое угодно впечатление, только не забавное.

Проглотив кусок сэндвича, дядя вновь поглядел на скрытый за облаком отражатель.

– Я преподаю инженерное дело вот уже более тридцати лет. Это довольно утомительное занятие. Но каждый год я с удовольствием обнаруживаю среди своих студентов нескольких очень ярких и талантливых, ради которых и стоит преподавать. – Он отпил глоток пряного чая и заговорил еще медленнее. – Но гораздо реже – в лучшем случае раз в пять, а то и десять лет, среди моих учеников появляется настоящий гений, и тогда удовольствие преподавать становится честью, которую ты лелеешь всю жизнь.

– Вы думаете, он гений? – подняла бровь Кэт. *Этот зануда фор?*

– Ну, пока что я не очень хорошо его знаю. Но полагаю, что да, он гений. По крайней мере периодами.

– Разве можно быть гениальным периодами?

– Все гении, встречавшиеся мне на пути, были гениальны именно периодами. Чтобы тебя признали гением, достаточно проявить гениальность один раз, знаешь ли. Но в нужный момент. А, вот и десерт! М-м, просто великолепно! – Дядя Фортиц радостно набросился на шоколадный десерт со взбитыми сливками и орехом пекан.

Кэт нужны были сведения личного характера, но она по-прежнему получала лишь информацию о карьере интересовавшего ее лица. Придется, видимо, действовать более прямолинейно. Аккуратно отломив ложечкой кусочек яблочного пирога с мороженым, она наконец набралась храбрости:

– Он женат?

– Нет.

– Меня это удивляет. – *Или нет?* – Он ведь из высших форов, из самых высших. В один прекрасный день он станет графом, ведь так? Он, мне кажется, богат, занимает высокое

положение... – Кэт замолчала. Господи, что она творит?! Она что, намеревается спросить, что же с ним не так, из-за чего он до сих пор не женат? Какое генетическое нарушение сделало его таким, какой он есть? И от кого он его унаследовал, от отца или от матери? Он импотент, стерилен, как он действительно выглядит без этих дорогих одеяний? Скрываются ли под его одеждой более серьезные уродства? Он гомосексуалист? Не опасно ли оставлять Никки с ним наедине? Ничего этого она спросить не может, а обходные и наводящие вопросы явно не приведут к цели. Черт побери, куда проще было бы получить нужные ей сведения, разговаривая она не с дядей, а с его женой.

– Последние десять лет он все больше находился за пределами империи, – ответил профессор, будто это что-то объясняло.

– У него есть братья или сестры? – *Нормальные братья или сестры.*

– Нет.

Плохой признак.

– Ой, нет, вру, – спохватился дядя Фортиц. – У него есть брат. Не в обычном смысле, правда. У него есть клон. Хотя и не похожий на него.

– Это... Если он... Я не понимаю...

– Если тебя это интересует, то придется тебе попросить объяснений у самого Форкосигана. Это все достаточно сложно даже по его меркам. Сам же я этого парня пока не видел. – Проглотив очередную ложку десерта, он добавил: – Кстати, о братьях и сестрах, когда вы планируете подарить их Николасу? В вашей семье вскоре могут возникнуть проблемы, если ты и дальше будешь с этим тянуть.

Кэт улыбкой скрыла охватившую ее панику. Осмелится ли она все рассказать дяде? Брошенное ей Тьеном обвинение в предательстве все еще звучало у нее в голове, но она так устала, просто до смерти устала от этой дурацкой таинственности. Если бы только здесь была тетя...

Она мрачно подумала о противозачаточном имплантате, этом кусочке галактической медицины, который Тьен безоговорочно принял. Имплантат давал ей галактическую стерильность без галактической свободы. Современные женщины охотно расставались с риском и тяготами естественного вынашивания плода в пользу безопасного и весьма эффективного маточного репликатора, но одержимость Тьена сохранить его заболевание в тайне лишила Кэт этого блага галактической медицины. Даже если он и излечится соматически, то генетически все равно останется болен, и все его потомство будет подвергаться генсканированию. Неужели он действительно не хочет иметь больше детей? Когда она как-то раз попыталась поговорить с ним об этом, он отмахнулся от нее, заявив, что всему свое время. А когда стала настаивать, разозлился и обвинил ее в занудстве и эгоизме. И это его заявление безотказно сработало, заставив ее замолчать. Как всегда.

– Мы столько раз переезжали с места на место, – уклончиво ответила Катриона. – Я ждала, когда положение Тьена наконец сделается стабильным.

– Он кажется довольным... э-э-э... суматошным. – Дядя Фортиц приподнял бровь, предлагая ей... *Что?*

– Я... Я не стану утверждать, что все идет гладко. – В общем, недалеко от истины. Тринадцать мест работы за десять лет. Может, для делающего карьеру бюрократа это нормально? Тьен утверждает, что это необходимо. Никто не дорастает до руководящих должностей, сидя на одном месте, и ни один начальник не потерпит над собой бывшего подчиненного. Так что для того чтобы достичь высокой позиции, нужно пошевеливаться. – Мы восемь раз переезжали. Я бросила шесть садов. А в двух наших последних резиденциях я не сажала ничего, только в горшках. И при переезде сюда вынуждена была бросить большую часть своих растений.

Может, на своем комаррском посту Тьен все-таки останется? Как он может рассчитывать на повышение, если нигде не задерживается достаточно долго для того, чтобы его заслужить? Первые предложенные ему должности были весьма незначительны, тут она с ним согласна. И Кэт прекрасно понимала, что он хочет продвинуться как можно быстрее. Первые годы жизни молодой семейной пары и должны быть не очень обустроены, поскольку они только вступают во взрослую жизнь. Ну, во всяком случае, так было с ней. В конце концов, ей ведь было тогда только двадцать. А Тьену – тридцать, когда они поженились.

На каждом новом месте он начинал работать с большим энтузиазмом и очень напряженно. Ну, по крайней мере по многу часов. Вряд ли кто мог работать более напряженно, чем он. А потом энтузиазм постепенно угасал, он начинал жаловаться, что работы много, а отдачи мало и поощряют его редко. Коллеги ленивые, начальники – придиры. Во всяком случае, по его словам. Когда он начинал материть своих начальников, это означало, что вскоре предстоит поиск новой работы... хотя с каждым разом найти ее становилось все труднее и труднее. А потом он снова загорится энтузиазмом, и все пойдет по кругу. Но пока что, на этой очередной работе, сверхтонкий слух Катрионы не улавливал плохих признаков, а они на Комарре вот уже почти год. Может быть, Тьен наконец нашел свою – как там сказал Форкосиган? – свою страсть. Его нынешний пост оказался лучшим из всех, что у него были. Может, ради разнообразия все пойдет на лад? Если она выдержит еще немного, все устроится и добродетель будет вознаграждена? А учитывая, что над ними висит дамоклов меч дистрофии Форзонна, у Тьена есть веские основания быть нетерпеливым. Он-то ведь не располагает неограниченным временем.

А ты собираешься жить вечно? Она моргнула, прогоняя эту мысль.

– Твоя тетя не уверена, что ты счастлива, детка. Тебе не нравится Комарра?

– Да нет, нравится, – быстро ответила она. – Признаюсь, что немного скучаю по дому, но это не значит, что мне здесь плохо.

– Она считала, что ты воспользуешься возможностью отдать Никки в комаррскую школу, чтобы он обогатил, как она изволит выражаться, свое культурное образование. Я не хочу сказать, что та, где мы были сегодня утром, плоха, наоборот. И я непременно сообщу об этом тете, чтобы она успокоилась.

– Было у меня такое искушение. Но в комаррской школе у Никки могли возникнуть проблемы. Ведь он баррарец, инопланетник. Вы ведь знаете, как могут быть жестоки дети этого возраста к тем, кто отличается от них. Тьен посчитал, что закрытая школа будет более подходящей. Очень многие семьи высших форов, живущие в этом секторе, отправляют туда своих детей. Тьен решил, что там Никки сможет приобрести хорошие знакомства.

– У меня не сложилось впечатления, что Никки обладает социальными амбициями. – Сухость дядиного тона несколько смягчили морщинки в углах глаз.

Ну что она может на это сказать? Защищать решение, принятое не ею? Признать, что считает Тьена неправым? Но как только она начнет жаловаться на Тьена, то вряд ли сможет остановиться прежде, чем выложит свои самые больные проблемы. К тому же тот, кто жалуется на своего супруга или супругу, как правило, выглядит ужасно.

– Ну, знакомства для меня. – У нее никогда не было желания обзаводиться ими, хотя Тьен и считал, что она просто обязана.

– А! Это хорошо, что у тебя появились друзья.

– Да... – Она собрала с блюда остатки яблочного сиропа.

Подняв глаза, Кэт заметила приятного молодого комаррца, стоявшего в дверях патио и не сводившего с нее глаз. Чуть поколебавшись, юноша подошел к их столу.

– Госпожа Форсуассон? – неуверенно проговорил он.

– Да? – вопросительно подняла бровь Кэт.

– О, я так и думал, что это вы. Меня зовут Андро Фарр. Мы с вами встречались на приеме в честь Зимнепраздника, устроенном для служащих Проекта Терраформирования несколько месяцев назад, помните?

С трудом.

– Ах да! Вы были чьим-то гостем?

– Да. Марии Трогир. Она – инженер-технолог отдела использования избыточного тепла. Или была им... Вы ее знаете? То есть я хочу сказать, она никогда с вами не разговаривала?

– Нет, мы не очень хорошо знакомы. – Катриона встречала эту молодую комаррианку раза три от силы, на тщательно спланированных официальных мероприятиях. И Кэт всегда на этих приемах отдавала себе отчет, что является представителем Тьена и ей необходимо сердечно улыбаться и приветствовать всех пришедших, так что на частные беседы у нее просто не было времени. – А она собиралась со мной поговорить?

Юноша огорченно вздохнул:

– Не знаю. Я подумал, что вы с ней, возможно, подруги или хотя бы приятельницы. Я разговаривал со всеми ее друзьями, которых смог отыскать.

– Ах вот как... – Катриона не знала, стоит ли продолжать этот разговор.

Фарр, казалось, почувствовал ее настроение и слегка покраснел.

– Простите. Кажется, я оказался в довольно сложной семейной ситуации и не могу понять почему. Это застало меня врасплох. Но... Но, видите ли... около шести недель назад Мария сказала мне, что выезжает на полевые работы по заданию департамента и вернется примерно недель через пять, но точно не уверена. Она не дала мне никаких комм-кодов, по которым ее можно найти, и сказала, что, по всей вероятности, сама звонить тоже не сможет и чтобы я не беспокоился.

– А вы... хм... живете с ней?

– Да. Ну, время шло и шло, а от нее ни слуху ни духу... В конце концов я позвонил начальнику ее отдела, администратору Судхе. Он сказал мне что-то маловразумительное. На самом деле мне кажется, он просто хотел от меня поскорее отделаться. Так что я заявился туда сам и разыскал его, и он сказал, – Фарр судорожно сглотнул, – что она внезапно уволилась шесть недель назад и уехала. Как и ее шеф, Радоваш, тот самый, с которым Мария сказала, что едет в поле. Похоже, Судха считает, что они... уехали вместе. Все это полная бессмыслица.

Идея бегства от сожителя, не оставляя ему своих координат, для Катрионы очень даже имела смысл, но вряд ли сейчас было уместно об этом говорить. Кто знает, какую глубоко упрямую неудовлетворенность Фарр не сумел разглядеть у своей дамы?

– Мне очень жаль, но я ничего об этом не знаю. Тьен никогда об этом не упоминал.

– Простите, что побеспокоил вас, сударыня. – Поколебавшись, он собрался уйти.

– А вы говорили с госпожой Радоваш? – осторожно поинтересовалась Катриона.

– Попытался. Она отказалась со мной разговаривать.

И это тоже вполне понятно, если ее пожилой супруг сбежал с более молодой и красивой женщиной.

– Вы смотрели списки пропавших в службе безопасности купола? – спросил Фортиц. Катриона сообразила, что не представила дядю, но, поразмыслив, решила этого не делать.

– Пока нет. Но, наверное, посмотрю.

– М-м... – протянула Катриона. Стоит ли поощрять парня на дальнейшие поиски этой девушки? Похоже, та решила просто сбежать от него. Интересно, почему девушка выбрала такой способ разрыва отношений – потому что сама стерва или потому что он чудовище? Трудно сказать. Никогда не знаешь, какой скелет спрятан в чужом шкафу и какие страшные пороки скрываются за очаровательными улыбками.

– Она оставила все свои вещи. И своих кошек. Я теперь не знаю, что с ними делать, – жалобно проговорил парень.

Катрионе доводилось слышать об отчаявшихся женщинах, бросавших все, включая даже детей, но тут вмешался в разговор дядя Фортиц:

– Как-то это довольно странно. На вашем месте я обратился бы в службу безопасности, хотя бы ради собственного спокойствия. В случае необходимости вы всегда сможете потом извиниться.

– Я... Пожалуй, я так и сделаю... Всего доброго, госпожа Форсуассон, сэр. – Взъерошив рукой волосы, молодой человек вышел через псевдокалитку в парк.

– Наверное, нам пора возвращаться, – предложила Катриона, когда юноша скрылся из виду. – Следует ли нам прихватить что-нибудь из еды для лорда Форкосигана? Здесь готовят всякие вкусные вещи навынос.

– Не уверен, что он вообще замечает, что пропустил обед, когда занят какой-то проблемой, но предложение стоящее.

– Вы не знаете, что он любит?

– Все, насколько я понимаю.

– Нет ли у него аллергии на какую-либо еду?

– По-моему, нет.

Катриона быстро выбрала несколько питательных и сбалансированных блюд, надеясь, что все эти красиво выложенные овощи не окажутся в конечном итоге в помойке. Ведь с мужчинами никогда нельзя быть в чем-то уверенной. Получив заказ, они с дядей Фортицем покинули ресторан и направились к ближайшей станции автокаров, чтобы вернуться в секцию Серифозы, где жили Форсуассоны. Катриона по-прежнему не очень понимала, каким образом Форкосиган сумел справиться со своим положением мутанта на их запуганной мутагенными катастрофами планете. Может, за счет того, что большую часть времени пребывал за пределами Барраяра? Только вот есть ли какая-нибудь польза от этой информации для Никки?

Глава 4

Департамент, который курировал Этьен Форсуассон, занимал два этажа в верхней части башни, где располагались административные службы купола «Серифоза». Башня, построенная в конце одного из боковых ответвлений купола, стояла отдельно от других имеющих пригодную для дыхания атмосферу строений. Пока они поднимались вверх по эскалатору, Майлз без всякого удовольствия глядел на атриум со стеклянной крышей. Он готов был поклясться, что слышит свист утекающего воздуха через плохо затянутый вентиль.

– А что будет, если кто-нибудь швырнет камень в окно? – шепнул он стоящему рядом профессору.

– Да практически ничего, – так же шепотом ответил Фортиц. – Возникнет довольно-таки приличная тяга, но разница давления не такая уж большая.

– Верно. – Купол «Серифоза» был на самом деле не аналогичен космической станции, несмотря на обманчивое сходство в архитектуре. Воздух внутри купола по большей части получали из наружной атмосферы. Вентиляционные шахты, разбросанные над всем комплексом купола, втягивали воздух Комарры, фильтровали его, избавляя от избытка углекислого газа, свободно пропускали азот и доводили до пригодной концентрации кислорода. Процентное содержание кислорода в природной атмосфере Комарры было по-прежнему слишком низким для крупных млекопитающих, вынужденных пользоваться респираторами, но общее количество его было огромно по сравнению с количеством кислорода даже в самых богатых куполах планеты. – До тех пор, пока работает энергетическая система.

Они сошли с эскалатора и проследовали за Форсуассоном из центрального атриума по коридору. Вид ящика с респираторами, висящего возле пожарного шланга, несколько успокоил Майлза – значит, комаррцы не совсем уж отмахиваются от привычной опасности. Хотя выглядел ящик подозрительно пыльным. Интересно, а пользовались ли им вообще хоть раз с того момента, как он был тут установлен много лет назад? И проверяли ли его? Если бы Майлз был здесь с военной инспекцией, то наверняка поразвлекся бы, остановив всю компанию прямо сейчас и разобрав ящик на части, чтобы удостовериться, что респираторы и баллоны находятся в рабочем состоянии. Впрочем, как Имперский Аудитор он и сейчас может это проделать и вообще предпринять все, что ему в голову взбредет. Когда он был помоложе, его самым большим грехом была импульсивность. Иногда в припадке ночной меланхолии Майлз размышлял, не погорячился ли император Грегор, назначив его Имперским Аудитором. Власть, как известно, развращает, но в данном случае Майлз скорее чувствовал себя котом в бочке со сметаной. *Владей собой, мой мальчик!*

Ящик с респираторами благополучно остался позади. Форсуассон, прямо как туристический гид, показывал на помещения, занимаемые различными подразделениями своего департамента, не предлагая, впрочем, зайти внутрь. Вообще-то, откровенно говоря, в этих административных офисах особенно и смотреть было не на что. То, что действительно представляло интерес, находилось за пределами купола, на опытных станциях, экспериментальных секциях и биотических участках, разбросанных по всему сектору «Серифоза». А в этих помещениях Майлз обнаружил бы лишь комм-пульты. И конечно, комаррцев. Много-много комаррцев.

– Сюда, господа. – Форсуассон провел их в комфортабельную просторную комнату с большим головидео. Помещение выглядело как любой конференц-зал, которых Майлз за свою резко оборвавшуюся военную карьеру видел во множестве во время всяких совещаний. И запах тут стоял соответствующий. Везде одно и то же. *Что-то мне подсказывает, что самой сложной задачей для меня сегодня будет не заснуть.* Вокруг стола сидели полдюжины мужчин и женщин, нервно теребя папки с досье и видеодиски, а еще двое, бормоча

извинения, вошли в зал следом за двумя Аудиторами. Форсуассон жестом предложил высоким гостям места слева и справа от себя. Поприветствовав собравшихся улыбкой, Майлз уселся на стул.

– Лорд Аудитор Фортиц, Лорд Аудитор Форкосиган, позвольте мне представить вам начальников подразделений серифозского отделения департамента Проекта Терраформирования Комарры. – Форсуассон обошел вокруг стола, представив каждого из руководителей и называя возглавляемый им отдел. Три основных подразделения – бухгалтерия, оперативный и исследовательский отдел – были поделены на более мелкие подразделения, носящие громкие названия: регулирования СО₂, гидрологии, микробиологической классификации, опытных участков, использования избыточного тепла и озеленения. Все сотрудники до единого – комаррцы. Форсуассон был единственным среди них выходцем с Барраяра.

Форсуассон, продолжая стоять, обернулся к вновь вошедшим:

– Господа, позвольте также представить вам господина Венье, моего заместителя. Венни подготовил для вас небольшой ознакомительный доклад, после чего мои сотрудники с радостью ответят на все ваши вопросы.

Форсуассон сел, а Венье кивнул каждому из Аудиторов, пробормотав что-то нечленораздельное. Господин Венье был худощавым мужчиной ниже Форсуассона, с пронзительными карими глазами и вялым подбородком, что в сочетании с несколько нервным поведением придавало ему облик слегка потрепанного кролика. Нервно потерев руки, он подошел к панели управления головида, перебрал принесенные им дискеты, выбрал было одну и тут же положил обратно. Прокашлявшись, он заговорил:

– Господа, мне было предложено начать с небольшого экскурса в историю. – Он снова кивнул лордам Аудиторам, чуть задержав взгляд на Майлзе, и, вставив дискету в аппарат, включил красивую голограмму Комарры. – Первые исследователи п-в-туннеля сочли Комарру подходящим объектом для терраформирования. Сила тяжести, равная примерно 0,9 земной, и огромные запасы газообразного азота, обширный набор инертных газов и достаточное количество льда существенно упрощали задачу по сравнению, например, с такими холодными и засушливыми планетами, как Марс.

Надо полагать, это были одни из самых первых исследователей, размышлял Майлз, раз прибыли сюда и обосновались до того, как были обнаружены более подходящие для заселения планеты и столь амбициозные проекты стали казаться экономически невыгодными. Ну во всяком случае, если ты уже не живешь на такой неудобной планете. К тому же... здесь огромное количество п-в-туннелей.

– Минусом – продолжал между тем Венье, – являлось высокое содержание углеводорода в атмосфере, опасное для человека, а недостаток солнечного тепла не позволял ни озеленить планету, ни растопить лед. Комарра тогда представляла собой безжизненный мир, холодный и темный. Ранние подсчеты показали, что необходимо больше воды, поэтому были искусственно вызваны так называемые «легкие» столкновения с кометами, в результате чего мы теперь можем благодарить наших предков за образовавшиеся на юге кратерные озера. – На цветной голограмме высветилась цепочка голубых кругов в нижнем полушарии планеты. – Но растущие потребности в космической воде, а также в летучих веществах для орбитальных станций и станций возле п-в-туннелей вскоре положили этому конец. Ну и конечно, обитатели планеты опасались последствий неточного расчета траекторий сбрасываемых на планету комет.

Вполне обоснованные опасения, насколько помнил Майлз из истории Комарры. Он искоса глянул на Фортица. Профессор казался очень довольным лекцией Венье.

– На самом деле, – продолжил Венье, – дальнейшие исследования показали, что ледяные шапки на полюсах Комарры значительно толще, чем предполагалось изначально, хотя и не такие толстые, как на Земле. И начался путь к теплу и свету.

Майлз посочувствовал первым комаррцам. Он отчаянно ненавидел арктический холод и тьму.

– Наши предки построили первый солнечный отражатель, который поколение спустя был усовершенствован. – Появилась новая голограмма, тут же сменившаяся следующей. – Через сто лет этот отражатель, в свою очередь, был заменен тем, что мы видим сегодня. – Появился шестиугольник с семью дисками – один в центре, шесть по вертикали – и повис над изображением планеты. – Теперь освещение экватора оказалось достаточным, чтобы получить воду, и растения начали постепенно снижать содержание углерода и выделять столь необходимый кислород. За последующие десятилетия были созданы и выпущены в верхние слои атмосферы искусственные газовые смеси, необходимые для удержания солнечной энергии. – Венье передвинул руку, и четыре из семи дисков померкли. – А потом произошла авария.

Сидевшие за столом комаррцы мрачно уставились на голограмму поврежденного отражателя.

– Есть ли сведения об уменьшении интенсивности отражения? С цифрами? – мягко поинтересовался Фортиц.

– Да, милорд Аудитор. – Венье придвинул профессору дискету. – Администратор Форсуассон сказал, что вы инженер, так что я не стал расшифровывать данные. Здесь все цифры.

Руководитель отдела использования избыточного тепла, Судха, тоже инженер, скриivilся и закусил палец, услышав о столь вопиющем незнании реального профессионального статуса Фортица. Профессор же лишь ограничился словами благодарности:

– Спасибо. Очень вам признателен.

А где мой экземпляр? Но вслух Майлз этого не сказал.

– А не могли бы вы коротко изложить ваши выводы для нас, неинженеров, господин Венье?

– Конечно, лорд Аудитор... Форкосиган. Очень серьезные проблемы с флорой и фауной на северных и южных широтах, не только в секторе «Серифоза», но по всей планете, начнутся буквально через сезон. И с каждым последующим годом мы будем отступать все дальше. А к концу пятилетия кривая охлаждения резко устремится вверх, к катастрофическим последствиям. Создание солнечного отражателя заняло двадцать лет. И я молюсь, чтобы на его восстановление не ушло как минимум столько же. – На голографической модели полярная шапка расплзлась по планете, как белая опухоль.

Фортиц бросил взгляд на Судху.

– Таким образом, срочно требуются новые источники обогрева, как минимум на некоторое время.

Судха, крупный мужчина лет пятидесяти, с большими руками, откинулся на спинку стула и кисло улыбнулся. Он тоже откашлялся, прежде чем заговорить:

– На заре терраформирования надеялись, что тепло, вырабатываемое нашими растущими отражающими поверхностями, внесет существенный вклад в обогрев планеты. Как выяснилось в дальнейшем, прогнозы оказались слишком оптимистическими. Планета с зарождающейся гидрологией представляет собой огромную термальную буферную систему, которая в сочетании с выделяемым при разжижении теплом растапливает весь этот лед. В настоящее время – до аварии – лучшим применением избыточного тепла считалось создание микроклимата вокруг куполов как резервуара для следующей волны высшей флоры и фауны.

– С инженерной точки зрения это звучит как полный бред: «Необходимо тратить больше энергии на потерю тепла», – согласился Фортиц, – но я предполагаю, что здесь все обстоит именно так. Какова возможность использования некоторых источников, реакторов, например, для выделения тепловой энергии?

– Кипятить океан по чайной ложке? – скривился Судха. – Конечно, это возможно, и я бы с удовольствием использовал эту технологию для развития небольших областей в секторе «Серифоза». Но экономически – нет. Обогревать таким образом планету обойдется гораздо дороже, чем починка – или увеличение – отражателя. О чем мы просили империю годами. Но безуспешно. А если построили реактор, то почему бы заодно не построить и купол? Тепло будет поступать наружу все равно. – Он передвинул дискеты Фортицу и Майлзу. На сей раз обоим по экземпляру. – Вот наш последний отчет. – Он оглянулся на одного из своих коллег. – Мы все заинтересованы в том, чтобы высадить высшие растения еще при нашей жизни. Но пока что самое большое наше достижение – это биологическая активность на уровне микробов. Филипп?

Мужчина, которого представили как главу отдела микробиологической классификации, улыбнулся – не очень чтобы благодарно – Судхе и повернулся к Аудиторам.

– Ну, в общем, так и есть. Бактерии плодятся вовсю. И выведенные нами, и дикая генерация. С годами сюда переселились все земные типы бактерий. К несчастью, микробы обладают тенденцией быстрее приспосабливаться к окружающей среде, чем мы. Мой сектор занят по горло всякими мутациями. Как всегда, нужно больше тепла и света. И, откровенно говоря, господ, большее финансирование. Хотя наша микрофлора и быстрорастущая, умирает она так же быстро, вновь выбрасывая в атмосферу свои углеродные составляющие. Нам необходимо переходить к более развитым организмам, чтобы поскорее изъять избытки углерода. Может, ты продолжишь, Лиз? – обратился он к симпатичной полной даме средних лет, заведующей отделом регулирования CO₂.

Женщина радостно улыбнулась, из чего Майлз заключил, что дела вверенного ей подразделения в этом году идут совсем неплохо.

– Да, господ. У нас есть ряд высших растительных форм, прошедших основные полевые испытания и подвергнутых генетическим изменениям и улучшению. Самое высокое наше достижение – с морозо- и CO₂-устойчивыми торфяниками. Им, конечно, тоже нужна вода, и, безусловно, гораздо больше пошла бы на пользу более высокая температура. В идеале их следовало бы разместить в низменностях, чтобы они действительно долгое время поглощали углерод, но в секторе «Серифоза» таких мест нет. Так что мы выбираем наиболее подходящие места, которые по мере оттаивания полюсов в дальнейшем покроются озерами и небольшими морями, и избыточный углерод, таким образом, будет закрыт наносными пластами. Если этот процесс правильно запустить, в дальнейшем он станет работать сам, без человеческого вмешательства. Если бы мы могли изыскать достаточно средств, чтобы увеличить вдвое или втрое зону наших плантаций в течение ближайших нескольких лет... Короче, вот мои предложения. – Фортиц забрал очередную дискету. – Мы начали полевые испытания с более крупными растениями, чтобы посадить их на торфяниках. Крупные растения, безусловно, значительно легче контролировать, чем быстро мутирующую микрофлору. Они уже сейчас готовы к высадке на более обширные плантации. Но им же грозит и большая опасность от уменьшения количества солнечной энергии. Нам необходимо знать, сколько времени займет починка отражателя, прежде чем мы осмелимся разрабатывать дальнейшие планы по посадкам.

Она многозначительно посмотрела на Фортицу, но тот лишь ограничился нейтральным «благодарю вас, сударыня».

– У нас еще запланирован на сегодня облет торфяников, – сообщил ей Форсуассон. Дама, временно удовлетворившись, устроилась поудобнее на стуле.

Так оно и шло дальше по кругу. Майлз узнал о терраформировании Комарры гораздо больше, чем ему хотелось, а также услышал завуалированные и открытые просьбы об увеличении финансирования. И о тепле и свете. Власть развращает, но мы хотим энергии. Лишь бухгалтерия и отдел использования избыточного тепла догадались принести экзем-

пляр своих отчетов для Майлза. Он с трудом подавил желание указать кому-нибудь на этот факт. Неужели ему действительно хочется почитать на сон грядущий очередные несколько тысяч слов? К тому времени, когда все высказались, его свежие шрамы стянуло, и на сей раз он не мог, как вчера, отнести это за счет длительного пребывания в скафандре. Майлз с трудом поднялся со стула. Фортиц собрался было поддержать его под локоть, но Майлз заметным кивком запретил профессору это делать. Не то чтобы ему было так уж необходимо выпить, просто до смерти хотелось пропустить стаканчик.

– Да, администратор Судха, – окликнул Фортиц проходившего мимо них заведомо использования избыточного тепла, – можно вас на пару слов?

Судха остановился, чуть улыбнувшись:

– Слушаю вас, милорд Аудитор.

– Существует ли какая-то особая причина, по которой вы не смогли помочь этому молодому человеку, Фарру, в поисках его пропавшей дамы?

– Прошу прощения? – неуверенно переспросил Судха.

– Парню, который ищет вашу бывшую сотрудницу, Марию Трогир? Кажется, он так ее назвал. Есть ли причина, по которой вы не смогли ему помочь?

– Ах этот... Она... Ну, э-э-э... Это не так просто, видите ли. – Он огляделся по сторонам, но в комнате уже никого не осталось, кроме Форсуассона и Венье, почтительно ожидавших своих высокопоставленных гостей.

– Я посоветовал ему заявить о ее исчезновении в службу безопасности купола. Так что они вполне могут прийти к вам с вопросами.

– Вряд ли я окажусь им более полезен, чем Фарру. Боюсь, что действительно не знаю, где она. Видите ли, она уволилась. Причем совершенно внезапно, практически без предупреждения. И у меня в штате образовалась дыра в самое неподходящее время. Мне это не очень-то понравилось.

– Фарр так и сказал. Я просто подумал, что с кошками получилось как-то странно. Одна из моих дочерей держит кошек. Мерзкие маленькие паразиты, но она их любит.

– С кошками? – Судха казался все более озадаченным.

– Судя по всему, Трогир оставила их на попечение Фарра.

Судха недоуменно моргнул:

– Я всегда придерживался правила, что личная жизнь моих сотрудников меня не касается. Мужчины, кошки – это личное дело Трогир. Если на это не тратится рабочее время. Я... Что-нибудь еще?

– Да нет, – протянул Фортиц.

– Тогда, милорд Аудитор, позвольте откланяться, – снова улыбнулся Судха и удалился.

– О чем шла речь? – поинтересовался Майлз у Фортица, пока они шагали по коридору.

– Небольшой внутренний скандалчик, – ответил Форсуассон. – Подчиненная Судхи, техник, сбежала с одним из его инженеров. Судя по всему, эта история застала его врасплох. Он явно чувствует себя неловко. Кстати, а вы-то как об этом узнали?

– Юный Фарр обратился в ресторане к Катрионе, – пояснил Фортиц.

– Он на редкость зануден, – вздохнул Форсуассон. – Я не виню Судху за то, что он старался избегать этого малого.

– Я всегда полагал, что комаррцы к таким вещам относятся довольно легко, – заметил Майлз. – Отношения в галактическом стиле и все такое. Не так легко, как бетанцы, но все же. А данный вариант напоминает барраярский провинциальный подход.

Конечно, без необходимости избегать давления провинциальной среды, вроде разъяренных родственников, жаждущих защитить честь клана.

– По-видимому, культурный обмен между мирами не может все время идти в одну сторону, – пожал плечами Форсуассон.

Маленькая группка проследовала в подземный гараж, где почему-то не оказалось вызванного Форсуассоном аэрокара.

– Подождите здесь, Венье.

Бормоча ругательства, Форсуассон удалился выяснять, в чем дело. Фортиц пошел с ним.

Упустить возможность неформально пообщаться с обитателем Комарры Майлз никак не мог. Так что же собой представляет Венье? К какой категории комаррцев относится? Майлз повернулся к Венье, но тот его опередил.

– Это ваше первое посещение Комарры, лорд Форкосиган?

– Никоим образом! Я неоднократно бывал на станциях. Хотя, должен признаться, на саму планету спускался не часто. А в Серифозе я впервые.

– А в Солстисе бывали?

Главный город планеты.

– Конечно.

Венье чуть отошел в сторону и встал на тускло освещенном пяточке за бетонной колонной. Он едва заметно улыбался.

– А посещали вы там когда-нибудь часовню Убиенных?

К наглым чертовым комаррцам, вот к какой категории он относится! Солстисская бойня была самым гнусным событием периода барраярской агрессии. Двести комаррских советников, Сенат того периода, сдались, согласившись на условия захватчиков. И были перебиты на каком-то стадионе барраярскими силами безопасности. Политические последствия этой резни едва не привели к катастрофе. Улыбка Майлза стала чуть натянутой.

– Конечно. Как я мог там не побывать?

– Всем барраярцам следовало бы совершить туда паломничество. С моей точки зрения.

– Я был там с близким другом. Он хотел совершить поминальное возжигание своей тете.

– Родственник одного из мучеников – ваш друг? – Венье ошарашенно заморгал, слегка оживив беседу, поначалу показавшуюся Майлзу прекрасно срежиссированной. Интересно, как долго Венье готовил свои реплики, дожидаясь удобного момента?

– Да. – Майлз сознательно сделал свой взгляд более вызывающим.

Венье явно ощутил перемену и чуть занервничал.

– Поскольку вы – сын своего отца, то я просто несколько удивился, вот и все.

Чему? Что у меня есть друзья-комаррцы?

– Именно потому, что я сын своего отца, вам не следовало бы удивляться.

Брови Венье изумленно поползли вверх.

– Ну... Существует мнение, что бойня произошла по прямому приказу императора Эзара, без ведома адмирала Форкосигана. Конечно, Эзар был довольно жестоким.

– Да, жесток. Но далеко не дурак. Это была блестящая идея старшего политофицера экспедиционного корпуса Барраяра, за что мой отец заставил его поплатиться жизнью, хотя толку от этого уже было мало. Не говоря о моральном аспекте, эта резня в первую очередь была исключительной глупостью. Моего отца обвиняли во многих вещах, но в глупости, как мне кажется, никогда и ни разу. – В голосе Майлза зазвучали опасные нотки.

– Думаю, всей правды мы никогда не узнаем, – сказал Венье.

Это что, предложение перемирия?

– Можно твердить человеку правду весь день напролет, но если он не хочет ее слышать, то, я полагаю, никогда ее и не узнает, – осклабился Майлз. *Нет, держи себя в руках. Зачем показывать этому комаррцу, что он сумел-таки тебя достать?*

Двери ближайшей лифтовой шахты открылись, и Венье внезапно потерял для Майлза всяческий интерес, поскольку появились госпожа Форсуассон с Никки. На ней был все тот

же унылый костюм, что и утром, на руке висели толстые куртки. Помахав рукой, она быстро приблизилась.

– Я очень опоздала? – спросила она, чуть запыхавшись. – Добрый день, Венье.

Проглотив готовую сорваться с языка идиотскую реплику, которая звучала «вам, миледи, я рад в любое время», Майлз сумел промямлить:

– Э-э, добрый день, госпожа Форсуассон, Николас. Я вас не ждал. Вы поедете с нами? – *Я надеюсь.* – Ваш муж только что ушел разыскивать аэрокар.

– Да. Дядя Фортиц сказал, что это будет познавательно для Никки. Да мне и самой нечасто предоставляется возможность побывать вне купола. Так что я воспользовалась приглашением. – Она улыбнулась, поправив выбившуюся из прически прядь темных волос. – Я не знала, будем мы где-либо садиться и ходить пешком, но на всякий случай прихватила по куртке для каждого.

Из-за угла выплыл большой аэрокар и остановился перед ними. Откинулся колпак кабины, и наружу выбрался Форсуассон. Он поприветствовал жену с сыном. Профессор, восседающий на переднем сиденье, улыбнулся, услышав, как проблему, кому и где сидеть, разрешил Никки, заявивший, что хочет сидеть с дедулей и па.

– Может, Венье сможет нас сегодня повозить? – ненавязчиво предложила госпожа Форсуассон.

Форсуассон одарил ее неожиданно злобным взглядом:

– Я вполне способен справиться с этим и сам!

Ее губы зашевелились, но она не издала больше ни звука.

Тяни жребий, милорд Аудитор, мысленно ухмыльнулся Майлз. Ты предпочитаешь, чтобы пилотировал человек с, по всей вероятности, уже проявившимися первыми симптомами дистрофии Форзонна или чтобы аэрокар, полный баррарьских форов, вел комаррский... э-э-э... патриот?

– Мне все равно, – честно пробормотал он.

– Я принесла куртки.

Госпожа Форсуассон протянула одежду. У нее самой, ее мужа и Николаса были свои куртки. Запасная куртка Форсуассона с трудом сходилась у профессора на животе.

Куртка, что она выдала Майлзу, принадлежала ей, как он немедленно определил по едва ощутимому аромату, исходящему от подкладки. Вдохнув поглубже этот аромат, Майлз напялил куртку на себя:

– Спасибо. Она вполне подойдет.

Форсуассон нырнул в задний отсек и вылез оттуда с респираторами, которые тут же раздал. У них с Венье имелись персональные, с их именами, написанными на боковых планках. На остальных было написано «посетитель». Один большой, два средних, один маленький.

Госпожа Форсуассон, повесив свой респиратор на руку, надела второй на Никки и проверила батареи и уровень кислорода.

– Я уже все проверил, – сказал ей Форсуассон. В его голосе явственно слышался едва сдерживаемый гнев. – Тебе незачем делать это заново.

– О, извини! – ответила она. Но Майлз, чисто по привычке проверяя свой прибор, обратил внимание, что она тем не менее тщательно довела проверку респиратора до конца. Форсуассон тоже это заметил и нахмурился.

После непродолжительных дебатов в бетанском стиле все наконец расселись. Форсуассон с сыном и профессор устроились впереди, а Майлз с госпожой Форсуассон и Венье расположились сзади. Майлз не понял, радует его такое соседство или огорчает. У него было четкое ощущение, что он смог бы завязать с каждым из них весьма захватывающую дискус-

сию, но лишь в отсутствие второго. Они опустили респираторы на шею, чтобы в случае чего мгновенно натянуть на лицо.

Аэрокар вырулил из гаража и поднялся в воздух. Венье снова вернулся к своей манере профессионального лектора, указывая на объекты, входящие в состав Проекта Терраформирования. С этой небольшой высоты видны были плоды терраформирования – небольшие зеленые клочки во влажных низменных местах и кусочки лишайников и мхов на камнях. Госпожа Форсуассон задавала Венье весьма профессиональные вопросы, а поскольку Майлз в данный момент был не способен родить ничего умного, то несказанно этому радовался.

– Учитывая ваш интерес к ботанике, я удивляюсь, госпожа Форсуассон, что вы не заставили вашего мужа взять вас на работу в его департамент, – через некоторое время заметил Майлз.

– О! – Казалось, такая идея просто не приходила ей в голову. – Но я не могла этого сделать!

– Почему, собственно?

– Разве это не было бы nepoтизмом? Или что-то вроде конфликта интересов?

– Едва ли, если бы вы хорошо справлялись с работой, в чем я нисколько не сомневаюсь.

В конце концов, вся барраярская система форов строится на nepoтизме. Для нас это не порок, а образ жизни.

Венье подавил невольный взглас, возможно, хмыканье, и посмотрел на Майлза с растущим интересом.

– Так почему вы должны быть исключением? – продолжал между тем Майлз.

– Это всего лишь хобби. Мне недостает профессиональной подготовки. Знаний по химии, для начала.

– Вы могли бы начать с технической должности и ходить на вечерние занятия, чтобы заполнить пробелы. Не успеете оглянуться, как увязнете по уши в какой-нибудь интересной проблеме. В любом случае им придется брать кого-то на работу.

И тут задним числом Майлз сообразил, что если носитель дистрофии Форзонна – она, а не Форсуассон, то могут быть весьма неприятные причины, по которым она до сих пор не занялась такой работой. Он ощущал в ней кипящую скрытую энергию, подавляемую, загнанную глубоко внутрь и медленно угасающую там. Может, это потому, что она боится наступающей болезни? Черт побери, так кто же из них носитель? Ему же по должности положено быть классным следователем, и эту задачу он уж точно должен легко расщелкать.

Ну, в принципе он может запросто это сделать. Достаточно связаться со штаб-квартирой Имперской службы безопасности на Комарре и запросить полное досье на Форсуассонов. Взмахнуть своей волшебной палочкой Аудитора и получить всю интересующую его информацию. Нет! Все это не имеет никакого отношения к аварии с отражателем. А утренний эпизод с ее комм-пультом довольно наглядно показал, что ему пора уже строго разделять свои профессиональные и личные интересы, как он всегда разделял личные и имперские финансы. Не быть ни казнокрадом, ни соглядатаем. Придется ему выгравировать эту надпись на табличке и повесить у себя в комнате на стенку, чтобы не забывать. Что ж, хоть деньги его не соблазняют. Майлз чувствовал нежный запах Катрионы, цветочный и очень живой, легко ощутимый в отфильтрованном воздухе, насыщенном запахом пластмассы...

– Вам действительно стоит об этом подумать, госпожа Форсуассон, – к изумлению Майлза, произнес Венье.

Ее лицо, оживившееся во время полета, снова стало замкнутым.

– Я... Там видно будет. Может быть, на следующий год. После... Если Тьен решит остаться.

Раздавшийся по внутреннему комму голос Форсуассона прервал разговор. Они приближались к торфяникам, лежавшим в простирившейся внизу длинной узкой долине. Зре-

лице оказалось гораздо более впечатляющим, чем предполагал Майлз. Во-первых, это была настоящая земная яркая зелень, во-вторых, она тянулась на многие километры.

– Этот вид выделяет кислорода в шесть раз больше, чем его земной предок, – гордо провозгласил Венье.

– Значит, если окажешься снаружи без респиратора, можно заползти в них и дожидаться там спасателей? – задал Майлз практический вопрос.

– Ну-у... Если сможете задержать дыхание лет этак на сто.

Майлз начал подозревать у Венье за неказистой внешностью скрытое чувство юмора. Ну, как бы то ни было, аэрокар, описав петлю, спустился ниже, и Майлз переключил внимание на площадку, куда они намеревались приземлиться. У него имелся весьма неприятный и очень, так сказать, тесный опыт общения с коварными арктическими торфяниками. Но Форсуассон сумел посадить аэрокар на довольно надежный камень, и все застегнули респираторы. Колпак кабины откинулся, впуская холодный и непригодный для дыхания комаррский воздух. Все выбрались наружу и принялись лазить по окрестностям, чтобы лично рассмотреть крошечные зеленые растения. Да, этого добра тут хватало. Зелень простиралась до самого горизонта. Много. Растительности. Зеленой. Влажной. Майлз с некоторым усилием заставил себя прекратить составлять длиннющий доклад императору в эдаком телеграфном стиле и попытался воздать должное насыщенному специальной терминологией описанию Венье последствий потенциального урона, который может нанести мороз этому химико-какому-то циклу.

Они еще некоторое время поизучали окружающий ландшафт – остающийся неизменным, – пока Никки, прыгающий вокруг, как кузнечик (мать за ним явно не поспевала), едва не свалился в болото. После этого вся команда загрузилась обратно в аэрокар. Облетев соседнюю зеленую долину и пролетев – для сравнения – над следующей, незасаженной и мертвой, они повернули к куполу «Серифоза».

Тут внимание Майлза привлекло виднеющееся слева на горизонте огромное сооружение, питающееся от собственных реакторов и окруженное буйной зеленью.

– Что это? – поинтересовался он у Венье.

– Главная опытная станция по использованию избыточного тепла, – пояснил комарец. Майлз коснулся комм.

– Нет ли возможности слетать туда посмотреть? – спросил он Форсуассона.

Чуть замявшись, тот ответил:

– Я не уверен, что в этом случае мы успеем вернуться в купол до темноты. И не хотел бы рисковать.

Майлз сомневался, что ночной полет так уж и опасен, но, возможно, Форсуассон знал предел своих возможностей. К тому же на борту находились его жена и сын, не говоря уже об Императорском Грузе, каковым являлись Майлз с профессором. И все же внезапные проверки всегда были самыми забавными, если ты действительно хочешь найти что-либо стоящее. С точки зрения аудита.

– Это наверняка будет очень интересно, – пробормотал Венье. – Я сам там уже не бывал несколько лет.

– Может, в другой раз? – предложил Форсуассон.

Майлз не стал настаивать. Они с Фортицем все же были здесь скорее в роли пожарных, чем генеральных инспекторов. Решение их проблемы в космосе, а не на планете.

– Возможно. Если будет время.

Через десять минут на горизонте показался купол «Серифоза». Внушительное сооружение, сверкающее огнями в надвигающихся сумерках, с сияющими башнями и открытыми туннелями для вылета аэрокаров.

Все-таки мы, человеки, очень даже неплохо справляемся, подумал Майлз. Если, конечно, нас оценивать под правильным углом зрения.

Аэрокар скользнул в туннель и сел в гараже. Венье увел его прочь, а Форсуассон собрал респираторы. Госпожа Форсуассон сияла, довольная прогулкой.

– Не забудь заправить свой респиратор, – чирикнула она мужу, протягивая ему свой. Форсуассон потемнел.

– Не нуди, – прошипел он, стиснув зубы.

Она чуть вздрогнула, и лицо ее мгновенно стало замкнутым. Майлз отошел к колоннам, вежливо сделав вид, что не заметил этой небольшой стычки. Вряд ли его можно было считать специалистом в области семейных отношений, но в данном случае даже он понимал, что произошло. Проявленную ею, может, и не совсем ко времени любовь и заботу явно уставший и напряженный Форсуассон воспринял как сомнение в его компетентности. Госпожа Форсуассон заслуживала лучшего отношения, но Майлз ничем не мог помочь. У него-то отродясь не было жены, чтобы было с кем ссориться. Не то чтобы он недостаточно пытался жениться...

– Ну-с, – изрек Фортиц, тоже сделавший вид, что ничего не видел, – думаю, что все почувствуют себя гораздо лучше, закинув в желудок немного еды, а, Катриона? Позвольте мне пригласить вас всех. Нет ли еще какого-нибудь любимого вами славного местечка вроде того, где мы обедали?

Возникшая было неловкость растаяла в очередных дебатах а-ля Колония Бета на тему, куда пойти поужинать. На этот раз Никки с успехом переспорил взрослых. Майлзу есть не хотелось, и соблазн удрать домой к комму, забрав у Фортица сегодняшний урожай дискет, был велик, но, возможно, пропущенный стаканчик, а лучше три помогут ему пережить еще один семейный ужин с кланом Форсуассонов? В последний раз, пообещал себе Майлз.

Чуть более пьяный, чем хотелось бы, Майлз раздевался, чтобы провести еще одну ночь в гравикойке. Кучу дискет он бросил на стол дожидаться утра, кофе и просветления в мозгах. Последнее, что он сделал, это достал из кейса свой активатор, искусственно вызывающий приступ. Усевшись по-турецки на кровать, Майлз мрачно на него уставился.

Барраярские врачи не нашли способа вылечить посткриогенные приступы, которые и положили конец его военной карьере. Лучшее, что они смогли предложить, это внутречрепной чип-контроллер и активатор к нему, чтобы припадки были не так интенсивны и проходили не на глазах у изумленной публики в момент стрессов, а в интимной обстановке. И проверка своего собственного состояния стала для Майлза теперь таким же привычным ритуалом, как чистка зубов. Как и рекомендовали врачи. Он коснулся левого виска, где был вшит имплантат, и включил активатор. Единственное, что он ощутил, это мягкое теплое покалывание.

Опасный предел еще не достигнут. Еще несколько дней, и ему придется вставлять загубник и провоцировать приступ. Поскольку его оруженосец Пим, обычно исполнявший обязанности слуги, остался на Барраяре, придется ему подыскать другого помощника. Врачи настаивали, чтобы он никогда не делал эту пакостную вещь в одиночку. Майлз предпочел бы лежать беспомощным и в бессознательном состоянии – и бьющимся, как выброшенная на землю рыба (во всяком случае, он так предполагал, поскольку был единственным, у кого не имелось никаких шансов лицезреть свой припадок) – в гордом одиночестве. Возможно, ему все-таки придется просить профессора.

Будь у тебя жена, она могла бы быть твоим помощником.

Да, вот уж ей было бы радости-то!

Скривившись, Майлз осторожно убрал прибор в кейс и заполз в койку. Может, во сне обломки корабля сами соберутся обратно, как на видео, и раскроют ему свои тайны. Лучше уж пусть снятся обломки, чем трупы.

Глава 5

Готовясь ко сну, Катриона исподволь следила за Тьеном. Напряжение, сквозившее в каждом его движении, подсказывало, что лучше ей побыстрее предложить ему заняться сексом. Его состояние пугало ее. Как всегда. Уже давно пора дать ему возможность спустить пар. Чем дольше она ждет, тем труднее будет потом. Он будет становиться все напряженнее, и закончится это вспышкой ярости.

В глубине души Кэт считала, что секс должен быть романтическим, полностью раскованным и дарующим партнерам взаимную радость. А не чем-то вроде терапии, как у нее. Тьен всегда требовал от нее должной реакции и прилагал к этому немало усилий. Не то что многие другие мужчины, о которых ей доводилось слышать. Те, что думают лишь о себе и, получив удовольствие, поворачиваются спиной и засыпают. Хотя иногда Катриона жалела, что Тьен не из таких. Он сердился – на себя? на нее? – если она не отвечала так, как ему хотелось. Неспособная лгать телом, Кэт давно научилась отключаться и таким образом высвободить какой-то там внутренний канал, который позволял плоти доветь над разумом. Эротические фантазии, к которым она прибегала, чтобы добиться этого, становились все необузданнее и ярче. Что это, неизбежный побочный эффект глубинного постижения неприглядных сторон человеческих возможностей или врожденный дефект души?

Как же я это ненавижу!

Тьен повесил рубашку и криво улыбнулся жене. Но взгляд его оставался таким же напряженным.

– Мне бы хотелось, чтобы ты завтра оказала мне услугу.

Все, что угодно, чтобы отодвинуть неизбежное.

– Конечно. Какую именно?

– Возьми на себя обоих Аудиторов и поводи их где-нибудь подольше. Они меня достали. Эти их планетарные каникулы сильно мешают работе моего департамента. Мы убили целую неделю на то, чтобы подготовить для них сегодняшнее шоу. Может, они найдут какое-нибудь другое место, куда им еще сунуть нос, а потом уберутся наверх.

– Куда их вести и что показывать?

– Да все, что угодно!

– Я уже показала дяде Фортицу окрестности.

– А университетский городок? Может, его это заинтересует. Твой дядя вообще интересуется многими вещами, а этому коротышке-фору, полагаю, совершенно все равно, куда идти. Лишь бы вина было в достатке.

– Понятия не имею, что может заинтересовать лорда Форкосигана.

– Так спроси! Предложи что-нибудь сама. Поведи его... Ну, не знаю... По магазинам, что ли.

– По магазинам? – усомнилась она.

– Или еще куда.

Все еще натянуто улыбаясь, он наклонился к ней, обнял и легонько коснулся губами. Она ответила на поцелуй, стараясь не показывать, что делает это по обязанности. Она чувствовала жар его тела, рук и чувствовала, насколько искусственна его нежность. Ах да, еще одна сегодняшняя обязанность – разрядка Тьена. Очень непростое дело. Кэт приступила к привычному ритуалу жестов, слов и всего прочего, что обычно предшествовало физической близости.

Уже в постели она закрыла глаза, пока он ласкал ее, частично для того, чтобы лучше чувствовать, частично – чтобы не видеть его взгляда, становившегося все более жарким и довольным. Кажется, на Земле есть какая-то птица, которая считает, что если она тебя не

видит, то и ты не видишь ее? И прячет голову в песок. Занятное зрелище. Интересно, и долго при таком подходе ей удастся сохранять голову на шее?

Она открыла глаза, когда Тьен, перегнувшись через нее, притушил лампу. Под его жадным взглядом она чувствовала себя не любимой и желанной, а уродливой и униженной. Как можно изнасиловать женщину одними лишь глазами? Как можно быть с кем-то в интимных отношениях и при этом каждый раз наедине с этим человеком чувствовать, что он унижает твое «Я», твое достоинство? *Не смотри, Тьен*. Полный абсурд. С ней действительно что-то не так.

Тьен наклонился ближе, и она покорно раздвинула губы, быстро подчинившись его требовательному поцелую. Она не всегда была такой разумной и осторожной. Тогда, в самом начале, все было не так. Или изменилась лишь она?

Теперь пришла ее очередь вернуть ласки. Это было довольно просто. Тьен зарылся лицом в подушку и некоторое время молчал, пока ее руки порхали по его телу, глядя мышцы и скрытно ища симптомы. Кажется, дрожь сейчас несколько утихла. Возможно, сегодня была ложная тревога и руки у него тряслись от голода и нервозности.

Кэт знала, когда с ней все это началось. Примерно за четыре или пять мест работы до нынешней. Когда Тьен вдруг решил по каким-то до сих пор ей непонятным причинам, что она ему изменяет. С кем именно, Кэт тоже по сию пору так и не поняла, поскольку те два имени, которые он в конечном счете все же назвал, звучали полным бредом. Она и представления не имела, что в его голове бродят такие мысли, пока не заметила, что он следит за ней, оказываясь в необычных местах и во внеурочное время. Может, именно поэтому та служба так плохо кончилась? В конце концов она вытянула из него, в чем он ее обвиняет. И пришла в ужас. Ей было больно и немного страшно. Можно ли считать преследованием, если преследует тебя собственный муж? У нее не хватило мужества поинтересоваться, с кем можно проконсультироваться по этому поводу. Единственным источником безопасности была твердая уверенность, что она никогда не была наедине в неподобающем месте ни с одним посторонним мужчиной. Хоть в этом ей пригодилось форское воспитание. И тогда Тьен обвинил ее в том, что она спит со своими подругами.

И вот тут в ней что-то сломалось, исчезло всякое желание что-либо ему доказывать. Как можно объяснить что бы то ни было человеку, который верит во что-то не потому, что это истина, а потому, что он сам идиот? Никакие доводы, возмущение и протест не имели смысла, потому что проблема была не в обвиняемом, а в обвинителе. И тогда она начала думать, что он живет в каком-то другом, параллельном мире, с иными физическими законами и иной историей. И с обитателями, очень отличающимися от тех, которых знала она под теми же именами. Вкрадчивыми доппельгангерами.

И все же этого обвинения хватило, чтобы лишить ее друзей, теплоты общения, сменившейся каким-то новым и нежеланным уровнем отгороженности. Дальше – больше. Тьен в очередной раз сменил работу, и время и расстояние вообще оборвало все ее связи. А после следующего переезда она перестала даже пытаться завести новых друзей.

Катриона до сих пор не знала, не воспринял ли он ее брезгливое нежелание защищаться за скрытое признание вины. После того скандала вопрос отпал сам собой. Тьен больше его не поднимал, а она не снисходила. Считает ли он ее невиновной, или полагает себя безгранично благородным за то, что простил ей несуществующие грехи?

Ну почему он такой невозможный?

Ей не хотелось слышать ответа, но он пришел все равно. *Потому что боится тебя потерять*. И в панике начал крушить все вокруг, уничтожив попутно ее любовь и тем самым воплотив в жизнь то, чего боялся? *Похоже, так оно и есть*. Хотя ты, вообще-то говоря, не можешь не признать, что его опасения небезосновательны. Любовь в ней давно уже умерла. В последнее время она сидит на голодной диете верности данным клятвам.

Я – фор. Я поклялась поддерживать его в болезни. Он болен. Я не нарушу данную клятву потому лишь, что возникли проблемы. Ведь именно в этом смысл клятв. Некоторые вещи, единожды нарушенные, не подлежат восстановлению. Данные клятвы, доверие...

Она не знала, в какой степени его иррациональное поведение связано с заболеванием. Возможно, когда он пройдет лечение, его эмоциональное состояние тоже улучшится. Или она сможет хотя бы определить, в какой степени это воздействие дистрофии Форзонна, а в какой... просто личные качества Тьена.

Они сменили позицию. Опытные руки мужа поглаживали ей спину, проверяя, насколько она расслаблена и готова к дальнейшему. И тут ей пришла в голову еще более тягостная мысль. Не может ли такого быть, что Тьен подсознательно или осознанно специально оттягивает лечение, потому что интуитивно понимает, что именно его болезнь и связанная с нею уязвимость – одна из немногих оставшихся нитей, все еще связывающих жену с ним? *Не по моей ли вине он откладывает лечение?* У нее зверски болела голова.

Тьен, все еще продолжавший поглаживать ей спину, что-то протестующе забормотал. Ей никак не удавалось расслабиться. Так не пойдет. Кэт решительно настроила свои мысли на эротическую фантазию, весьма не романтическую, но которая обычно хорошо срабатывала. Может, это что-то вроде скрытой формы фригидности, этот ее самогипноз, к помощи которого она все время прибегает, чтобы получить сексуальную разрядку, несмотря на столь близкое присутствие Тьена? В чем разница между тем, что человек просто не любит секс, и тем, что не любит того единственного человека, с которым когда-либо занимался сексом?

И все же ей страшно хотелось ощущать живое тело, теплое прикосновение мужских рук – то, чего не могли дать никакие самые эротические фантазии. И Тьен в этом плане был действительно очень хорош. Он ласкал ее очень долго, хотя иногда и тоскливо вздыхал, за что она никак не могла его винить. Его мягкие прикосновения, тепло и уют постели привели наконец к тому, что она расслабилась. Она могла бы наслаждаться этим часами – тут Кэт приоткрыла глаз и глянула на часы. Нет, жадничать, пожалуй, не стоит. Какая же все-таки у Тьена вывернутая психика: с одной стороны, требовать от нее сексуального шоу, а с другой – обвинять в неверности. Чего он хочет – чтобы она растаяла или задеревенела? *Что бы ты ни выбрала, выбор окажется неправильным.* Нет, так дело не пойдет. Она слишком долго пытается настроить себя на нужный лад. Пора возвращаться к работе. Кэт снова постаралась обратиться к своим сексуальным фантазиям. Может, у него и есть права на ее тело, но ее душа и мысли принадлежат только ей. Это – единственная ее часть, к которой у него нет доступа.

Все пошло по плану, и в конечном итоге поставленная задача была выполнена. Когда все закончилось, Тьен поцеловал ее.

– Ну вот, все пошло на лад, – пробормотал он. – В последнее время у нас ведь все стало налаживаться, да?

Она пробормотала обычные заверения – стандартный набор фраз. Хотя предпочла бы честное молчание. И притворилась, что заснула, пока не услышала храп. И тогда пошла в ванную, чтобы выплакаться.

Глупое, совершенно иррациональное хныканье. Она рыдала, заглушая плач полотенцем, чтобы, не дай Бог, ни муж, ни Никки, ни гости не услышали и не пришли выяснять, в чем дело.

Я его ненавижу. Ненавижу себя. Ненавижу его за то, что он вынуждает меня ненавидеть самое себя...

Но больше всего она презирала себя за неистребимое желание физической близости, каждый раз возрождавшееся в ее сердце, несмотря на все усилия выкорчевать его окончательно. И это желание, эту зависимость, эту жажду теплых прикосновений необходимо уни-

чтожить во что бы то ни стало. Потому что она предает ее хуже всего остального. Если она сможет убить в себе жажду любви, то тогда все прочие связывающие ее нити – долг, честь, а в первую очередь все страхи – можно будет тоже последовательно отбросить. *Если я смогу убить в себе все это, то освобожусь от него.*

Я превращусь в ходячего мертвеца, но стану свободна.

Отрыдавшись, Кэт умылась и выпила три таблетки от головной боли. Теперь, пожалуй, она сможет заснуть. Но, вернувшись в спальню, она обнаружила, что Тьен не спит. Его глаза сверкали в темноте. Услышав ее приглушенные ковром шаги, он включил лампу. Кэт попыталась сообразить, является ли бессонница одним из ранних симптомов его заболевания. Он приподнял простыни, чтобы она могла лечь.

– Что это ты там делала так долго? Развлекалась без меня?

Кэт не знала, что это – шутка и ей надо посмеяться, или он ждет от нее возмущенного отрицания. Поэтому решила сменить тему:

– Ой, Тьен, я чуть не забыла! Сегодня днем звонили из банка. Говорили что-то о том, что требуется моя подпись и отпечаток ладони для подтверждения закрытия твоего пенсионного вклада. Я им сказала, что, по-моему, это неправильно, но переговорю с тобой, а потом им перезвоню.

Потянувшийся было к ней Тьен замер:

– Они не имели права звонить тебе по этому поводу!

– Если ты хотел, чтобы я сделала то, о чем они говорили, то должен был предупредить меня заранее. Они сказали, что приостановят это дело до моего звонка.

– Приостановят?! Нет! Ты глупая сучка! – сжал он кулаки.

От его брани ее затошнило. После всех приложенных нынче ночью усилий, чтобы его утихомирить, – такое! Все насмарку!

– Я что-то не так сделала? – обеспокоенно спросила она. – Тьен, в чем дело? Что происходит? – Кэт мысленно молилась, чтобы он не начал опять колотить кулаком в стенку. Если услышат дядя или Форкосиган, то как она объяснит...

– Нет... Нет. Извини. – Он потер лоб, и Кэт облегченно вздохнула. – Я забыл, что здесь действует комаррское законодательство. На Баррааре у меня не было проблем с закрытием пенсионного счета, если таковой имелся, когда я менял работу. А на Комарре они хотят получить подпись указанного наследника. Все в порядке. Завтра утром им срочно позвони и реши это дело.

– Ты ведь не собираешься увольняться, нет? – В ней начала подниматься волна паники. *О Боже, только не очередной переезд... Не так скоро...*

– Нет. Нет, черт побери! Расслабься. – Он криво улыбнулся.

– О! Хорошо. – Чуть поколебавшись, она спросила: – Тьен... У тебя есть какие-нибудь сбережения с предыдущих мест работы на Баррааре?

– Нет. Я всегда закрывал счета. Зачем позволять им крутить наши деньги, если мы и сами можем найти им применение? И эти средства нас не раз выручали, знаешь ли. – Он язвительно улыбнулся. – При сложившихся обстоятельствах ты должна признать, что идея откладывать деньги на мою старость не особенно рациональна. И ты ведь очень хотела тогда провести отпуск на Южном континенте, не так ли?

– По-моему, ты сказал, что мы едем на твое выходное пособие.

– Так и было. В некотором роде.

Значит... Если с Тьеном что-то случится, у них с Никки не останется ничего... Если он как можно быстрее не начнет лечиться, то это самое «что-то» случится очень скоро.

– Да, но... – И тут ее осенило. *Неужели...* – Ты это делаешь, потому... Мы уедем, чтобы ты начал лечение, да? Ты, Никки и я? Ой, Тьен, как здорово! Наконец-то! Ну конечно! Мне

бы следовало самой сообразить. – *Так вот для чего ему понадобились деньги! Наконец-то!* Она обняла мужа и прижалась к нему. *Но хватит ли этих средств? Если там меньше, чем требуется...* – А этих денег хватит?

– Я... Я не знаю. Как раз сейчас выясняю.

– Я немного скопила из средств на хозяйство, так что могу добавить, – предложила Кэт. – Это позволит нам отправиться раньше.

Он облизнул губы и некоторое время молчал.

– Не знаю... Мне не нравится идея позволить тебе...

– Так я именно для этого и копила. То есть, конечно, это не я их заработала, но я смогла сэкономить. Это может быть моим вкладом...

– И сколько у тебя?

– Около четырех тысяч имперских марок! – Она улыбнулась, гордая своим достижением.

– Ого! – Казалось, он мысленно что-то подсчитывает. – Да, это будет существенным подспорьем.

Он поцеловал ее в лоб, и Кэт расслабилась еще больше.

– Мне никогда не приходило в голову использовать твой пенсионный вклад на лечение. Даже не думала, что это можно сделать. Как скоро мы сможем уехать?

– А... Это мне тоже предстоит еще выяснить. Я все узнал бы еще на этой неделе, но мой департамент серьезно пострадал от нашествия Имперских Аудиторов.

Она улыбнулась шутке. В свое время он довольно часто заставлял ее смеяться. И если с годами стал более желчным, то его вполне можно понять. Но чернота его юмора стала не столько развлекать ее, сколько утомлять. Цинизм теперь производил на нее гораздо меньшее впечатление, чем в двадцать лет. Может, принятое решение принесло и ему облегчение тоже.

И ты действительно думаешь, что в этот раз он таки сделает то, о чем говорит? Или тебя одурачили. Снова. Нет. Если подозрительность – одно из самых тяжелых оскорблений, то вера всегда оправданна, даже если эта вера окажется обманутой. Удовлетворенная его обещанием, она уютно примостилась в его объятиях, и на сей раз кольцо его рук не показалось ей ловушкой. Может быть, им наконец удастся поставить свою жизнь на рациональную основу.

– По магазинам? – эхом повторил лорд Форкосиган, сидя за завтраком. Он встал самым последним. Дядя Фортиц уже сидел за коммом в кабинете Тьена, сам Тьен ушел на работу, а Никки убежал в школу. Губы Форкосигана оставались сжатыми, но в уголках глаз появились смешливые морщинки.

– Такого рода предложение довольно редко поступало сыну моей матери... Боюсь, мне не нужно... Нет, погодите, кое-что все же нужно. Свадебный подарок.

– А кто из ваших знакомых женится? – спросила Катриона, довольная тем, что ее предложение вроде бы прошло, поскольку другого у нее просто не было. Она приготовилась оказать всяческое содействие.

– Грегор и Лаиса.

Она не сразу сообразила, что он говорит об императоре и его комаррской невесте. Помолвка состоялась на Зимнепраздник, а свадьба была назначена на праздник Середины лета.

– О! Э-э... Я не уверена, что в куполе «Серифоза» вы сможете найти что-то достойное... Возможно, в Солстисе есть подходящие магазины... О Господи!

– Но мне необходимо что-то привезти, поскольку я буду шафером Грегора в свадебном круге. Может, мне удастся найти что-то, что будет напоминать Лаисе дом. Хотя, возможно,

это и не самая блестящая идея, не знаю... Мне совершенно не улыбается спровоцировать у нее ностальгические чувства в медовый месяц. А вы что думаете?

– Полагаю, мы можем поискать... – Здесь имелись очень дорогие магазины, куда Кэт даже не отваживалась заглянуть. Может, теперь у нее появился повод?

– А еще, чуть не забыл, Дув с Делией. Да, мои общественные обязанности в последнее время растут как на дрожжах.

– Кто?

– Делия Куделка – моя подруга детства. Она выходит замуж за коммодора Дува Галени, нового шефа департамента по делам Комарры Имперской службы безопасности. Возможно, вы о нем еще не слышали, но услышите наверняка. Он уроженец Комарры.

– От родителей-барраярцев?

– Нет, от участников комаррского сопротивления. Мы соблазнили его служить империи. И мы с Дувом пришли к совместному выводу, что решающую роль в этом соблазнении сыграли блестящие сапоги.

Он произнес эту тираду с каменным выражением лица. Наверняка шутит. Или нет? Кэт нерешительно улыбнулась.

Тут на кухню пожаловал дядя Фортиц:

– Как там насчет кофейку?

– Конечно! – Кэт налила ему кофе. – Как дела?

– По-всякому. По-всякому. – Отхлебнув кофе, дядя благодарно улыбнулся племяннице.

– Я так понимаю, что утренний курьер уже был, – сказал Форкосиган. – Как прошел ночной улов? Есть что-нибудь для меня?

– К счастью, нет, если вы имеете в виду еще части тела. Они притащили кучу различного оборудования.

– Эти находки как-то влияют на ваш любимый сценарий происшедшего?

– Нет, но я продолжаю надеяться, что что-нибудь появится. Уж очень мне не нравятся результаты векторного анализа.

Взгляд Форкосигана стал заметно пристальнее.

– Вот как? И почему?

– М-м... Возьмем точку А как момент перед аварией – корабль, целый, конечно, и отражатель, спокойно сидящий на своей орбите. И возьмем точку В как момент после аварии, когда всякие обломки полетели во все стороны на разной скорости. По всем законам старой доброй классической физики, В должно равняться А плюс X, где X – какая-то сила – или масса, – добавленная в момент аварии. А нам известно, а чем больше В мы собрали, тем больше мы сужаем возможности X. Нам по-прежнему недостает кое-каких частей системы управления, но аварийщики уже собрали большую часть изначальной массы системы корабль – отражатель. По предварительным подсчетам получается, что X очень велик и имеет весьма странную форму.

– Это зависит от того, когда и как взорвались двигатели. Взрыв мог добавить чертовски большой импульс, – заметил Форкосиган.

– Удивляет не столько величина внешней силы, сколько ее направление. Фрагменты чего-либо, получившие ускорение в свободном падении, должны лететь по прямой, с учетом местной гравитации, конечно.

– А обломки рудовоза летели не так? – поднял брови Форкосиган. – Тогда что же, по вашему мнению, собой представляет этот X?

Дядя Фортиц пожевал губу.

– Мне нужно еще над этим поразмыслить. Поиграть с цифрами и виртуальными вариантами. Кажется, мои мозги начинают стареть.

– А что... что это за форма такая этой силы, почему вы говорите, что она странная? – спросила Катриона, с большим интересом прислушиваясь к разговору.

Дядя Фортиц поставил чашку и сложил ладони ковшиком.

– Это... Как бы сказать... Обычная масса в космическом пространстве создает гравитационный колодец, или воронку, если угодно. А в данном случае это выглядит скорее как желоб.

– Идущий от рудовоза к отражателю? – Поинтересовалась Катриона, пытаясь себе это представить.

– Нет, – ответил дядя Фортиц. – Идущий от скачковой позиции ближайшего п-в-туннеля к отражателю. Или наоборот.

– И рудовоз в него... э-э-э... влетел? – уточнил Форкосиган. Он казался не менее озадаченным, чем Катриона.

Дядя Фортиц тоже выглядел не лучше.

– Мне бы не хотелось делать публичное заявление, это уж точно.

– Гравитационная сила? – спросил Форкосиган. – Или, возможно... Гравитационный польдер?

– Ну, выглядит это уж точно не как известные мне гравитационные польдеры. Нда-с... – Он взял свой кофе и собрался вернуться к своему комму.

– Мы как раз планировали, куда нам пойти, – сказала Катриона. – Вы не хотите еще что-нибудь посмотреть в Серифозе? Купить подарок тете?

– Я бы с удовольствием, но, полагаю, сегодня мой черед остаться дома и поработать, – ответил дядя. – А вы вдвоем идите и развлекайтесь. Хотя, если тебе попадется что-то, что, по-твоему, может понравиться твоей тете, я буду чрезвычайно признателен, если ты это купишь. Затраты я тебе компенсирую.

– Хорошо... – Идти только с Форкосиганом? Вдвоем? Кэт предполагала, что дядя пойдет с ними в роли дуэньи. Впрочем, если они будут ходить по общественным местам, то у Тьена не будет повода для подозрений. Хотя, как ни странно, Тьен, кажется, и не воспринимает Форкосигана как возможную угрозу. – Вам больше не нужно посещать департамент Тьена?

Ой, Боже, кажется, я не очень удачно сформулировала... Что, если он скажет, что нужно?

– Я еще не успел просмотреть первую партию их отчетов, – вздохнул дядя. – Может, возьмешь это на себя, Майлз?

– Ага, я ими займусь. – Его глаза блеснули при виде озабоченного выражения, появившегося на лице Катрионы. – Попозже. Когда вернемся.

Катриона повела лорда Форкосигана через парк перед домом к ближайшей стоянке. Ноги у него, возможно, и были короткими, но шагал он быстро, и она обнаружила, что ей нет необходимости подстраиваться под него. Более того, ей приходилось ускорять шаг. Некоторая затрудненность в движениях, которую она за ним заметила, судя по всему, в течение дня то появлялась, то исчезала. Взгляд его тоже был быстр, он живо оглядывал окрестности. В одном месте даже остановился и вернулся назад, чтобы внимательней рассмотреть что-то, что его заинтересовало.

– Есть у вас на примете конкретное место, куда вы хотели бы пойти? – спросила Кэт.

– Я Серифозу практически не знаю. Так что отдаюсь на вашу милость, сударыня, как моего гида. Когда я в последний раз совершал грандиозные покупки, то это было военное оборудование.

– Да, это совсем другое дело! – рассмеялась она.

– Не настолько, как вы можете подумать. Ради продажи действительно высококлассного оборудования поставщики готовы для встречи с вами пролететь полгалактики. Моя тетя Элис Форпатрил именно таким способом покупает одежду – вообще-то если подумать, то это тоже высококлассное оборудование, в некотором роде. Модельеры присылают к ней своих подхалимов. На старости лет я начал любить подхалимов.

Его «старость лет» измеряется годами тридцатью, решила Катриона. Причем недавно разменянными – как и ее собственные и до сих пор непривычные.

– А графиня, ваша матушка, тоже так совершает покупки?

И как его мать справляется с тем фактом, что он мутант? Судя по всему, очень даже неплохо.

– Мама просто покупает то, что ей скажет тетя Элис. Мне всегда казалось, что она чувствовала бы себя гораздо уютней в своей старой форме бетанского Астроэкспедиционного корпуса.

Знаменитая графиня Форкосиган была галактической эмигранткой, причем весьма редкостным видом – бетанкой с Колонии Бета. Прогрессивной, высокотехнологичной, процветающей Колонии Бета. Или коррумпированной, опасной, зловещей Колонии Бета. В зависимости от ваших политических взглядов. Неудивительно, что лорд Форкосиган ведет себя как гражданин галактики. Он в буквальном смысле слова наполовину инопланетник.

– А вы были на Колонии Бета? Там действительно все такое рафинированное, как они говорят?

– Да. И нет.

Они подошли к стоянке, и Кэт повела гостя к четвертой по счету машине, отчасти потому, что она была пустая, отчасти – чтобы выкроить себе еще несколько секунд и определиться, куда ехать. Как только они уселись на переднее сиденье, лорд Форкосиган машинально нажал кнопку на панели, закрыв кабину. Либо он привык ездить в одиночестве, либо еще не сталкивался с кампанией «Дождись попутчиков», которая сейчас велась в куполе «Серифоза». Как бы то ни было, Катриона была рада, что на сей раз ей не придется ехать с чужаками.

Комарра на протяжении столетий была космическим перекрестком и несколько десятилетий – торговым центром Барраярской империи. Даже в таком относительном болоте, как Серифоза, имелось огромное количество магазинов, как минимум не уступавших магазинам Форбарр-Султана. Кэт потерела губу, затем решительно вставила кредитную карточку в панель и указала местом назначения район шлюзов космопорта. Через несколько секунд они влетели в туннель и начали ускорение. Скорость набиралась медленно. Не очень хороший признак.

– Кажется, я несколько раз видела вашу мать по головиду, – нарушила молчание Кэт. – Она сидела рядом с вашим отцом во время какой-то официальной церемонии. Довольно давно, в бытность его еще регентом. Это странно... Когда вы смотрите на родителей по видео, вы воспринимаете их по-другому?

– Нет, я по-другому воспринимаю видео.

Машина летела по темному туннелю, освещенному мелькающими перед глазами фонарями, затем резко выскочила на свет, поднимаясь по дуге к следующему комплексу. По мере подъема скорость все замедлялась. Катриона видела, что летящие над ними машины тоже ползут с черепашьей скоростью, похожие на бусины на нитке.

– О Боже, этого я и боялась! Похоже, мы застряли.

– Авария? – вытянул шею Форкосиган.

– Нет, просто система перегружена. В определенное время суток на некоторых дорогах можно стоять минут по двадцать – сорок. У них сейчас идет местная дискуссия по поводу пассажирских перевозок. Одна группа желает сократить безопасное расстояние

между машинами и увеличить скорость движения. Вторая желает построить больше дорог. Третья – чего-то там еще...

Его глаза весело блеснули.

– А, понимаю! И сколько лет уже длится эта дискуссия?

– Как минимум пять лет, насколько мне известно.

– Ну разве местная демократия не великолепна? – пробормотал он. – И подумать только, комаррцы считают, что мы оказываем им любезность, оставляя наземные проблемы под традиционным контролем их секторов!

– Надеюсь, вы не боитесь высоты, – неуверенно сказала Кэт, когда их машина практически совсем остановилась на самой высокой точке дуги. Несколько искаженные стеклом кабины и туннеля хаотически разбросанные строения Серифозы предстали перед их взором. Сидевшая через две машины впереди них пара воспользовалась случаем, чтобы слиться в затяжном поцелуе. Катриона всячески делала вид, что не замечает этого. – Или... Небольших замкнутых пространств.

– Нет, если в этом небольшом пространстве температура выше заморозки.

Намек на криозаморозку, через которую он прошел? Кэт не осмелилась спросить. Она попыталась вернуть разговор к его матери в надежде узнать, как та справлялась с его мутацией.

– Астроэкспедиционный корпус? Я полагала, что ваша мать служила в бетанских экспедиционных войсках во время эскобарской войны.

– До войны она одиннадцать лет прослужила в Астроэкспедиционном корпусе.

– В администрации или... Она ведь не прыгала вслепую в новые п-в-туннели, правда? То есть я хочу сказать, что все космолетчики немного чудные, но первопроходцы считаются психами из психов.

– Так и есть. – Он глянул наружу, когда машина, чуть подпрыгнув, начала двигаться, спускаясь к следующему сектору города. – Я с некоторыми из них встречался. Должен признаться, что никогда не ставил на одну доску правительственные исследовательские службы и вольных стрелков. Независимые исследователи совершают слепые прыжки к возможной смерти в надежде разбогатеть. А Астроэкспедиционный корпус... совершает прыжки к смерти за зарплату, премии и пенсию. Хм. – Он уселся поудобнее, на лице его вдруг появилось веселое выражение. – До войны она дослужилась до капитана корабля. Возможно, она была более подготовлена к Барраяру, чем я думал. Интересно, а не надоело ли и ей прошибать стены? Надо будет у нее спросить.

– Прошибать стены?

– Извините, это личная метафора. Когда вы рискуете слишком часто, то попадаете в странное состояние. От адреналиновой зависимости довольно трудно избавиться. Я всегда полагал, что мою... хм... былую любовь к такого рода эскападам я унаследовал от барраярских предков. Но близкое общение со смертью вынуждает тебя пересмотреть приоритеты. Так много рисковать, и так долго... В конечном итоге ты либо становишься абсолютно уверенным в том, кто ты есть и чего ты хочешь, либо ты становишься... ну, не знаю, бесчувственным, что ли.

– А ваша мать?

– Ну, уж она-то точно не бесчувственна.

Кэт осмелилась на более рискованный вопрос:

– А вы?

– Хм. – Он чуть улыбнулся. – Знаете, а ведь большинство людей, если им удастся зажать меня в угол, пытаются прокачать меня насчет отца.

– О! – Кэт вспыхнула от смущения и выпрямилась. – Простите. Я была непозволительно груба.

– Вовсе нет. – Он действительно не выглядел раздраженным, когда придвинулся к ней поближе. – Вовсе нет.

Несколько успокоившись, Катриона решила попробовать развить тему дальше. В конце концов, когда еще ей представится такая возможность?

– Возможно... то, что произошло с вами, было для нее тоже своего рода стеной.

– Да, полагаю, вы способны посмотреть на это с ее позиции.

– А что... что на самом деле произошло...

– Со мной? – закончил он за нее фразу. Но вовсе не напрягся, как это произошло тогда за столом, а задумчиво посмотрел на нее с такой серьезностью, что она едва не всполошилась. – А что вам известно?

– Не очень многое. Я слышала, что сын лорда-регента родился калекой во время дворцового переворота Фордариана. Лорд-регент славился тем, что его личная жизнь всегда была очень закрытой. – Вообще-то Кэт слышала, что наследник регента – мутант и его прячут подальше от глаз.

– И все? – Он казался едва ли не оскорбленным. Чем? Что он не настолько знаменит? Или одиозен?

– Я не входила в высшие слои общества, – поспешила объяснить она. – Мой отец – мелкий провинциальный бюрократ. Боюсь, что в большинстве провинциальных форов больше провинциального, чем форского.

Его улыбка стала шире.

– Верно! Вам бы следовало познакомиться с моим дедом... А может, и нет... Ну... Хм. Вообще-то особо рассказывать нечего. Убийца, покушавшийся на моего отца, умудрился отравить обоих моих родителей ядовитым газом, называемым солтоксин.

– Во время переворота?

– Буквально перед ним. Моя мать была на пятом месяце беременности. И надышалась этой пакостью. И вот результат. – Он провел рукой вдоль своего тела, дернув при этом головой в нервном тике, причем оба жеста одновременно выглядели как вызов. – На самом деле повреждения носят тератогенный характер, а не генетический. – Он искоса бросил на нее странный взгляд. – В свое время для меня было очень важно, чтобы окружающие это знали.

– Было? А сейчас уже нет? – Однако ей он рассказал об этом довольно быстро. Но правда ли, что у него поражено лишь тело, а не хромосомы?

– Сейчас... Сейчас я полагаю, что, возможно, оно и к лучшему, если меня считают мутантом. Если я смогу сделать так, чтобы это действительно не имело значения для окружающих, возможно, для других мутантов все будет гораздо проще. В некотором роде дополнительная услуга, не требующая от меня никаких особых усилий.

Но было совершенно очевидно, что ему это все же чего-то стоило. Кэт подумала о Никки, который вскоре должен был вступить в подростковый возраст, а этот период никогда не был простым даже для нормальных детей.

– Как вы себя тогда ощущали? Когда росли?

– Ну, безусловно, я был в некотором роде защищен высоким постом и титулом моего отца.

Она обратила внимание на это «в некотором роде». «В некотором роде» – далеко не то же, что «полностью».

– Я сдвинул несколько гор, чтобы попасть на военную службу. После нескольких... хм... фальстартов я в конце концов нашел подходящее для себя место в службе безопасности, среди оперативников. Работал с нерегулярными частями. СБ больше заинтересована в результатах, чем во внешней оболочке, а я обнаружил, что могу давать очень неплохие результаты. Не считая того – небольшой просчет с моей стороны, – что все мои достижения, на которые я так рассчитывал, погребены в недрах Имперской безопасности, будучи клас-

сифицированы как секретные. Так что я закончил свою тринадцатилетнюю карьеру уволенным по состоянию здоровья практически никому не известным капитаном, – вздохнул он.

– Имперские Аудиторы не бывают неизвестными!

– Нет, лишь скрытными. – Он просветлел. – Так что еще есть надежда!

Почему он вызывает у нее желание рассмеяться? Кэт с трудом подавила смех.

– Вы желаете прославиться?

Его глаза на мгновение сузились.

– В свое время я бы не отказался. А теперь полагаю... Я просто хотел быть кем-то значительным сам по себе. Не обманывайтесь, мне нравится быть сыном своего отца. Он великий человек. Во всех смыслах. И знать его – большая честь. И тем не менее есть у меня тайная мечта, чтобы когда-нибудь, где-нибудь в исторических трудах Эйрела Форкосигана представляли значительной фигурой в основном потому, что он был отцом Майлза Нейсмита-Форкосигана.

И тут она расхохоталась, хотя и мгновенно приглушила смех, зажав рот рукой. Но лорд Форкосиган не обиделся, лишь сверкнул глазами.

– Это действительно очень забавно, – уныло пробурчал он.

– Нет... нет, не в этом дело, – поторопилась заверить она. – Просто звучит несколько... ну, высокомерно, что ли.

– О, это и есть высокомерие из высокомерия. – Вот только он вовсе не казался смущенным перспективой, а скорее просчитывающим варианты.

Лорд Форкосиган задумчиво поглядел на нее, затем прокашлялся и начал:

– Когда я вчера утром работал на вашем комме... – И остановился, когда машина начала тормозить. – Черт... – пробормотал он, потирая шею.

– Что-нибудь не так? – озабоченно спросила Кэт.

– Нет-нет! – Он нажал на кнопку панели, открывая кабину. – Итак, давайте посмотрим, чем радуется район доков и шлюзов.

Лорд Форкосиган, казалось, наслаждался прогулкой по организованному хаосу района шлюзов космопорта, хотя маршрут выбрал, надо сказать, весьма необычный. Он пробирался зигзагами в те места, которые Катриона считала изнанкой района, туда, где люди и машины грузили и разгружали грузы и где находились бары и гостиницы для небогатых космолетчиков. В этом районе было полно странной публики, всех цветов и размеров, в необычной одежде. До ее ушей доносилась многоязычная речь. Взгляды, которыми они одабривали обоих баррарцев, были Форкосиганом замечены, но полностью проигнорированы. Катриона решила, что он не реагирует потому, что инопланетники смотрят так не только на него, а на всех.

А еще она обнаружила, что его притягивают самые мерзкие магазины из представленных здесь. Он действительно в течение нескольких минут серьезно размышлял, не приобрести ли якобы настоящую лампу XX века, сделанную на Архипелаге Джексона и состоящую из двух колб с цветной жидкостью, переливающейся вверх и вниз.

– Это выглядит как плавающие в плазме кровяные тельца, – заявил он, зачарованно глядя на светящиеся колбы.

– Но как свадебный подарок?! – выдохнула Кэт, позабавленная и несколько ошарашенная. – Что подумают люди, глядя на это?

– Грегор посмеется, – ухмыльнулся он. – Такого рода подарки ему редко доводится получать. Но вы правы, подходящий свадебный подарок должен быть... хм... подходящим. Не личным, а с общественным и политическим смыслом. – С сожалением вздохнув, он поставил лампу обратно на полку. Но через некоторое время передумал и взял ее опять, купил и отослал. – На свадьбу я ему куплю что-нибудь еще, а это ему на день рождения.

После этого он позволил Катрионе отвести себя в более приличный квартал, где продавались ювелирные изделия, произведения искусства и антиквариат, а также творения местных модельеров, которые вполне могли засылать своих подхалимов к его тете. Форкосиган, судя по всему, нашел все это гораздо менее забавным, чем галактическую свалку. Он помрачнел и ходил довольно унылый, пока не углядел что-то необычное в ювелирном киоске.

Крошечные модели планет, размером с кончик ее большого пальца, вращались в гравитационной камере на черном фоне. Маленькие шарики были размещены на разных уровнях и представляли собой точную копию тех миров, которые изображали. На них виднелись не только горы и океаны, но и города, дороги и плотины, причем с полным соблюдением цветовой гаммы. Более того, терминатор двигался по миниатюрным ландшафтам в точном соответствии с планетарным циклом данной планеты. Находящиеся на ночной стороне города зажигали огни, как живые драгоценности. Их можно было носить парно, как серьги, или как подвеску или браслет. В продаже имелись почти все планеты, включая Колонию Бета и Землю, вокруг которой вращалась ее знаменитая Луна, хотя как эту пару можно носить, было не совсем понятно. Цены, на которые Форкосиган даже не глянул, были кошмарными.

– Очень даже неплохо, – одобрительно бормотал он, зачарованно глядя на крошечный Барраяр. – Интересно, как они это делают?

– Они больше похожи на игрушки, чем на драгоценности, но, должна признать, они потрясающи.

– О да, типичная инженерная игрушка – почти нигде нет в этом году, повсюду на следующий год, затем вообще исчезает, пока не всплывет у антикваров. И все же... Было бы забавно составить имперский набор – Барраяр, Комарра и Зергияр. Впрочем, мне что-то не попадались женщины с тремя ушами... Возможно, серьги и кулон, хотя немедленно возникает социально-политическая проблема, в каком порядке распределять миры...

– Можно повесить все три на шею.

– Верно. Или... Думаю, маме определенно понравится Зергияр. Или Колония Бета. Хотя нет, это может вызвать у нее ностальгические воспоминания. Да, Зергияр будет очень кстати. К тому же вскоре Зимнепраздник и куча дней рождения... Так, прикинем: мать, Лаиса, Делия, тетя Элис, сестрицы Делии, Дру... Пожалуй, мне придется заказать дюжину комплектов и еще пару на всякий случай.

– Э-э... – Список произвел на Катриону большое впечатление. – А эти дамы знакомы друг с другом?

Это все его любовницы? Наверняка он не стал бы перечислять их в одном ряду с матерью и тетей. Или он их поклонник? Но... поклонник их всех?

– О, конечно!

– Вы действительно уверены, что стоит дарить всем одинаковые подарки?

– Нет? – с сомнением в голосе спросил он. – Но... ведь они все знают меня...

В конечном итоге он обуздал свои аппетиты и ограничился покупкой двух комплектов сережек, в каждый из которых входили Барраяр и Комарра, для обеих невест. И Зергияр на цепочке для матери. В последний момент он купил еще один Барраяр, но не сказал для кого. Крошечные планетки завернули в подарочную упаковку.

Чувствуя себя несколько обалдевшей от комаррского базара, Катриона повела его полюбоваться одним из ее самых любимых парков. Он располагался в конце района и обрамлял очень красивое озеро. Когда они обходили озеро по пешеходным дорожкам, Катриона мысленно запланировала зайти выпить кофе с пирожными.

Они остановились у перил на краю невысокого крутого берега, откуда виднелись самые высокие башни Серифозы. Поврежденный отражатель светил сквозь прозрачный купол парка, и освещенные им воды озера красиво искрились. Издалека доносились веселые голоса людей, играющих на искусственно-натуральном пляже.

– Здесь очень красиво, – сказала Катриона. – Его содержание стоит огромных денег. Городское озеленение здесь – основной вид деятельности. Все здесь создано человеческими руками – леса, камни, трава, – все.

– Мир в коробочке, – пробормотал Форкосиган, глядя на блестящую поверхность. – Требуется сборки.

– Некоторые жители Серифозы считают, что их парковая система – прообраз будущего, своего рода банк, – продолжила Кэт. – Но другие, я подозреваю, не знают разницы между их крошечными парками и настоящими лесами. Я иногда думаю, что к тому времени, когда атмосфера на планете станет пригодной для дыхания, прапраправнуки современных комарцев будут уже настолько подвержены агорафобии, что не осмелятся покинуть купола.

– Многие бетанцы уже этим страдают. Когда я там был в последний раз... – То, что он хотел сказать, осталось тайной, поскольку раздался внезапный глухой взрыв. Катриона не сразу сообразила, что это груз сорвался с крана, работающего на какой-то стройке за деревьями буквально у них за спиной. Форкосиган мгновенно развернулся с ловкостью кошки, отбросил в сторону пакет с подарками, который держал в правой руке, левой рванул Кэт себе за спину, а освободившейся правой выхватил из кармана парализатор, о наличии которого Катриона и не подозревала. И все это он проделал за считанные доли секунды, прежде чем тоже определил, что это за звук.

– Виноват, – извинился он, увидев широко раскрытые глаза женщины. – Немного перестарался.

Оба внимательно оглядели купол над головой. Тот был в целости и сохранности.

– Ну, в любом случае парализаторы бесполезны против того, что издает звук наподобие этого. – Он засунул оружие в карман.

– Вы уронили ваши планеты, – заметила Кэт, оглядываясь в поисках пакета.

Форкосиган перегнулся через перила.

– Вот черт!

Она проследила за его взглядом. Пакет перелетел за ограждение и теперь болтался примерно в метре под ними на ветке какого-то растения, нависшего над водой.

– Думаю, что смогу его достать... – Он перелез через ограждение, на котором виднелась предупреждающая надпись «Осторожно! Не сходите с дорожки!», и лег на землю прежде, чем она успела произнести «Но ваш прекрасный костюм...». Кэт сильно подозревала, что Форкосиган не из тех, кто привык сам себя обтирывать. Он потянулся к пакету, и перед ней на мгновение предстало жуткое видение летящего головой в пруд Имперского Аудитора, находящегося под ее попечением. Не обвинят ли ее в государственной измене? Берег был высотой метра четыре. Какая же здесь может быть глубина?

– Давайте я, у меня руки длиннее, – предложила она, пролезая за ним.

На мгновение отвлекшись, он сел.

– Мы можем найти палку. Или еще лучше – подхалима с палкой. – Он злорадно посмотрел на прикрепленный к запястью комм.

– Думаю, что вызывать в данном случае службу безопасности – это немножко перебор, – мягко заметила Кэт. Она легла и потянулась вниз. – Все в порядке, думаю, что смогу...

Ее пальцы тоже не дотягивались до пакета, но лишь чуть-чуть. Она продвинулась немного вперед, чувствуя, что ненадежная почва под ней проваливается. Кэт подалась назад...

Кусок берега под ней просел, и она заскользила вперед. Кэт взвизгнула и попыталась отскочить, но лишь еще больше ускорила процесс падения. И тут ее руку как тисками зажали чьи-то пальцы, но тело продолжало скользить, и в считанные секунды Кэт оказалась висющей над водой, беспомощно болтая ногами. Ее вторую руку тоже поймали, и Кэт увидела

над собой лицо Форкосигана. Он лежал на краю, крепко держа ее запястья. Майлз напряженно стиснул зубы, серые глаза горели огнем.

– Отпустите, идиот! – закричала Катриона.

Его лицо стало вдруг совершенно диким.

– Ни за что! – выдохнул он. – Ни за что снова...

Его ноги цеплялись за... воздух, сообразила она, когда он начал скользить за ней следом. Но мертвая хватка не ослабевала. В его глазах вдруг мелькнул ужас. А в следующую секунду законы физики победили героизм, и оба барраярца практически одновременно свалились в довольно прохладную воду, взметнув кучу брызг и грязи.

Как выяснилось при ближайшем рассмотрении, глубина здесь не превышала метра. Дно было мягким и илистым. Кэт вскочила на ноги. Одна туфелька куда-то исчезла. Катриона отбросила с лица волосы, озираясь в поисках Форкосигана. Лорда Форкосигана. Вода ей доходила до груди, значит, ему точно не выше головы, и ноги в сапогах тоже нигде не торчали. Плавать-то он хоть умеет?

Он вынырнул рядом с ней, отплевываясь и протирая глаза. С уха свисала водоросль. Отбросив водоросль, он увидел Катриону, потянулся к ней и замер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.